

Санкт-Петербургский государственный университет

ВОЛЬХИН Максим Сергеевич

Выпускная квалификационная работа

***Речевая агрессия в художественном тексте
(на материале современной русской драматургии)***

Аспирантура:

Направление *45.06.01 «Языкознание и литературоведение»*

Основная образовательная программа *МК.3062.2018 «Лингвистика»*

Научный руководитель:

доцент, кафедра русского языка,
доктор филологических наук, доцент,
Руднев Дмитрий Владимирович

Рецензент:

профессор, Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена,
доктор филологических наук, доцент,
Ефремов Валерий Анатольевич

Санкт-Петербург

2021

Оглавление

<u>Введение</u>	3
<u>Глава 1. Речевая агрессия как объект изучения</u>	10
§ 1.1. Вопросы терминологизации	10
§ 1.2. Средства выражения речевой агрессии	25
§ 1.3. Речевая агрессия и языковая личность	37
Выводы по главе 1	44
<u>Глава 2. Речевая агрессия в художественном тексте</u>	46
§ 2.1. Агрессогенная лексика в драматическом тексте	46
§ 2.1.1. Неполюценность разного рода	48
§ 2.1.2. Предосудительная деятельность	59
§ 2.1.3. Физиология «материально-телесного низа»	63
§ 2.1.4. Зоосемантическая метафора	65
§ 2.1.5. Оппозиция «свой – чужой»	70
§ 2.2. Жанровые аспекты речевой агрессии в драме	77
§ 2.2.1. Оскорбление	77
§ 2.2.2. Угроза	81
§ 2.2.3. Высмеивание	85
§ 2.2.4. Грубое волеизъявление	87
§ 2.2.5. Враждебная оценка	92
§ 2.3. Специфика агрессивного текста в драме	95
§ 2.3.1. Побочный текст	96
§ 2.3.2. Драматический конфликт	100
Выводы по главе 2	104
<u>Заключение</u>	107
<u>Литература</u>	111
Книги	111
Авторефераты диссертаций	113
Статьи	116
Словари	123
Тексты	125
<u>Приложение. Список пьес, использованных при анализе</u>	127

Введение

Современная коммуникация может быть описана словами В. Г. Костомарова, которыми учёный обрисовал «языковой вкус» постсоветской России: «Для общения людей, для использования русского языка сейчас характерна установка нынешних дней на свободу, сопрягаемую у нас со стихийным потаканием, с разгулом своей воли (что хочу, то и ворочу), с небрежностью, раскованностью и забвением того, что без подчинения она есть хаос» (Костомаров, 1999, 59). Эти суждения, опубликованные в 1999 году, оказываются справедливы и двадцать лет спустя.

Феномен агрессии вообще (физической, психологической, вербальной) активно и продуктивно исследуется в различных областях знания: в философии, культурологии, психологии, социологии, политологии, педагогике. Не обходит стороной это явление и лингвистика, которую интересует в первую очередь языковое (речевое, вербальное) проявление агрессии – то есть специфические способы её выражения средствами языка и речи.

Речевая агрессия является конфликтогенным речевым поведением, в основе которого лежит негативное воздействие на адресата, и генерируется триадой враждебности, включающей гнев, отвращение и презрение.

Актуальность изучения речевой агрессии в современном драматическом тексте видится в следующем.

Во-первых, речевая агрессия часто связывается с неблагоприятной социокультурной ситуацией в обществе. Художественный текст позволяет автору отразить стереотипные модели поведения и эмоциональный опыт своего времени, изобразив личность, находящуюся в критической ситуации переломной эпохи. Нельзя не согласиться со словами В. Славкина, полагающего, что авторам современных драматических текстов «можно верить, по их произведениям историки и социологи смогут изучать людей и настроения начала XXI века...» (цит. по Черняк, 2009, 104).

Во-вторых, конфликт, являясь основой драматического произведения, а также установка на понимание мира как изначально дисгармоничного позволяют драматургу использовать речевую агрессию как средство речевой выразительности для реалистичного изображения общества, в котором агрессия естественна, а коммуникация отражает в том числе грубость и жестокость человеческих нравов. В связи с этим в драматургическом тексте агрессия может выступать также как элемент поэтики, участвующий в развёртывании драматургического текста.

Наконец, необходимость изучения современной литературы не только лингвистикой, но средствами филологического знания вообще диктуется особенностями самого материала исследования: «пространство современной литературы очень пёстрое и потому, что сегодняшнюю литературу творят люди разных поколений: и те, кто существовал в недрах советской литературы, и те, кто работал в андеграунде литературы, и те, кто начал писать совсем недавно. У представителей этих поколений принципиально различное отношение к слову, к его функционированию в тексте» (Черняк, 2009, 6).

Объектом исследования в настоящей работе выступает феномен речевой агрессии в современной художественной литературе, а **предметом** – лексическое и жанровое воплощение феномена агрессии в текстах современной русской драматургии.

В качестве рабочей **гипотезы** принимается предположение о том, что в художественном тексте речевая агрессия может быть значимым изобразительным средством – способом характеристики действующего лица с точки зрения его речевой индивидуальности, параметром коммуникативного портрета личности.

Язык драматургии находится на пересечении художественной и разговорной речи, поэтому речевая агрессия в ней может отражать особенности и реальных речевых конфликтов, и их воплощение в художественной литературе, например, быть элементом развития сценического действия.

Таким образом, **цель** исследования – выявление специфики речевой агрессии в драматическом тексте.

В **задачи**, продиктованные целью работы, входит:

– обзор теоретических работ, посвящённых явлению речевой агрессии, средствам её выражения и жанровой организации;

– анализ функционирования речевой агрессии и выявление её особенностей в драматическом художественном тексте на уровне лексики и в жанровом аспекте;

– выявление связи родовых признаков драмы (побочного текста и драматического конфликта) с речевой агрессией.

Материал исследования составляют тексты русской драматургии последних лет – художественные тексты, до настоящего времени не привлекавшие внимание исследователей-лингвистов в аспекте речевой агрессии. Хронологические рамки исследования охватывают 2018, 2019 и 2020 годы. Фонд контекстов, подвергнутых анализу, составляют три крупных издательских проекта:

– журнал «Современная драматургия», продолжающий традицию «толстых» литературных журналов;

– сборники «Лучшие пьесы» Всероссийского драматургического конкурса «Действующие лица», отражающие актуальные тенденции в драме благодаря отбору текстов в рамках премии;

– сборники пьес «Современная подростковая драма», направленные в первую очередь на читателя-подростка.

В работе сделан акцент не на индивидуальном стиле конкретных авторов, а на функционировании в тексте речевой агрессии. Как показывает исследование, такой подход оказывается продуктивным: речевая агрессия – это органичная часть художественного мира русского драматурга, ей есть место практически в любой сфере общения, которая изображается в драматическом тексте.

Итоговый репертуар пьес, включённых в анализ, приведён в Приложении. Количественно это 140 текстов (2018 год – 38 пьес, 2019 год – 51 пьеса, 2020 год – 51 пьеса), из которых были извлечены 860 контекстов (2018 год – 305 контекстов, 2019 год – 294 контекста, 2020 год – 261 контекст), содержащих маркеры речевой агрессии.

В финальный список контекстов не включены те фрагменты, которые содержат матерную лексику. Аргументы в пользу этого решения приведены в § 1.2. Кроме того, следует отметить, что контексты представляют собой диалоги и полилоги, поэтому количество элементов анализа (агрессогенных лексем и жанровых единиц) даже превышает число обнаруженных контекстов.

Остановимся теперь на **методологической основе** исследования. Генеральная совокупность единиц анализа, то есть все объекты, относительно которых делаются выводы, – это все контексты, содержащие ситуации речевой агрессии. Единицы анализа определяются методом сплошной качественной и количественной выборки: сначала определяется, что подлежит отбору для анализа, а затем проводятся количественные подсчёты.

Под контекстом как единицей анализа понимается фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы. Другими словами, контекст – это фрагмент текста минус определяемая единица (ЛЭС, 1998, 238–329). Имеет значение обращение к микроконтекстам – минимальному окружению единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует своё значение плюс дополнительные смыслы в виде ассоциаций и коннотаций, а также к макроконтексту, позволяющему установить функцию единицы в тексте в целом.

Основные методы изучения материала включают:

– описательный метод (для иллюстрации явления речевой агрессии в художественном тексте);

– метод лексико-семантического компонентного анализа (для выявления маркеров речевой агрессии);

– метод контекстуального анализа (для учёта контекстуальных смыслов, возникающих в ситуациях речевой агрессии).

Теоретическую базу исследования составляют работы

– о современном русском языке и современной социокультурной ситуации (*Караулов, 1987; Козырев, Черняк, 2012; Костомаров, 1999; Кронгауз, 2009; Левонтина, 2015; 2016*);

– о явлении агрессии (*Ениколопов, Кузнецова, Чудова, 2014; Изард, 1980; Лоренц, 2009; Сапольски, 2019*);

– о речевой агрессии (*Агрессия в языке и речи, 2004; Воронцова, 2006а; Жельвис, 2001; Комалова, 2020; Петрова, Рацибурская, 2011; Речевая агрессия как свойство информационного пространства, 2011; Черкасова, 2011; Щербинина, 2001; 2008; 2021*), а также аналитический обзор исследований в области речевой агрессии, выполненный Л. Р. Комаловой (*Комалова, 2015*);

– о драме, её поэтике и языке (*Голованева, 2011; Макрова, 2011; Николина, 2009; Пави, 1991; Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий, 2008; Хализев, 1986; Черняк, 2009*).

Необходимо отметить, что речевая агрессия современной наукой изучается чаще на материале средств массовой информации, политического дискурса и языка интернета, а художественный текст редко становится предметом пристального внимания. Кроме того, исследователи оставляют в стороне именно такой литературный род, как драма, хотя именно она «начинает биться головой о стену новой социальности» (*Липовецкий, 2005*).

Таким образом, **научная новизна** исследования заключается в лингвистическом анализе феномена речевой агрессии на материале современной русской драматургии с целью выявления специфики агрессии в художественном тексте, в том числе с учётом особенностей драматического текста, например, так называемого побочного текста (комментарии к репликам героев, указание на их движения, жесты, мимику, интонации – ремарки), реплик «в сторону», вынесения наружу внутренней речи действующего лица.

Поводом для обращения к этой стороне драматического текста являются и уже отмеченные исследователями черты современной драмы: отказ от динамичного сюжета, внимание к жизни маргинальных социальных слоёв, к контркультуре, а как следствие – к жаргону и языку улицы и тюрьмы. То есть материал для пьес – это низовой быт современного мироустройства, в котором правят «дураки и дурдом». При этом отсутствие классической цельности пьесы заменяется переносом смысловой тяжести на язык (*Николина, 2009, 293–294*).

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении параметров классификации лексических и коммуникативных средств выражения речевой агрессии – агрессогенных маркеров и жанров.

Практическая значимость исследования видится в том, что рассматриваемые в работе средства выражения речевой агрессии могут служить материалом к словарю инвентаря агрессивных речевых актов.

Подобные лексикографические издания уже существуют: в настоящее время опубликованы два выпуска тематического толкового словаря «Вербальная структура коммуникативного акта агрессии» (*Потапова, Комалова, 2015; 2017*). В них включены лексические единицы семантического поля «Агрессия», отражающие разнообразные компоненты конфликтной коммуникации, как то: агрессор, жертва, агрессивное поведение, виды агрессии, деструктивные и конструктивные последствия агрессии, инструменты агрессии, динамика развития состояния агрессии (*Потапова, Комалова, 2015, 2*).

Материалом для этих изданий послужили данные разноаспектных словарей русского языка. Настоящее исследование позволяет дополнить эти данные материалом драматургических текстов, отражающих живой язык настоящего времени.

Наконец, исследованный материал и предложенные классификации ситуаций речевой агрессии могут дополнить учебные филологические курсы риторики, стилистики и культуры речи.

Апробация работы, в том числе обсуждение теоретической базы, материала исследования и методов его анализа, проведена в рамках семинаров во время обучения в аспирантуре Санкт-Петербургского государственного университета в период с 2018-го по 2021 год.

Результаты исследования были также представлены в виде докладов на следующих международных конференциях:

– Летняя школа «Язык и медиа» Международного научного проекта «Агрессия и аргументация: конфликтный дискурс и его языковое разрешение», кафедра русского языка РГПУ им. А. И. Герцена, отдел славистики факультета языкознания, литературоведения и культурологии Дрезденского технического университета (2019);

– XXI Международная конференция молодых филологов, Институт гуманитарных наук Таллинского университета (2020);

– Международная конференция молодых филологов, отделение славянских языков и литератур Тартуского университета (2021).

Структура работы определяется её целью, задачами и характером языкового материала. Текст исследования состоит из **Введения**, **Главы 1**, в которой рассматриваются теоретические основания исследования, **Главы 2**, в которой уточняется предмет исследования и анализируется собранный материал, **Выводов**, сопровождающих каждую главу, **Заключения**, списка использованной **Литературы**, а также **Приложения**, содержащего список пьес, отобранных для анализа.

Глава 1. Речевая агрессия как объект изучения

§ 1.1. Вопросы терминологизации

В наивной языковой картине мире агрессией называют «напористое, доминирующее, атакующее и вредоносное поведение, объединяющее такие различные по форме и результатам акты поведения, как шутки, сплетни, враждебные фантазии, деструктивные формы поведения, вплоть до убийств и самоубийств» (Ениколопов, Кузнецова, Чудова, 2014, 7).

В словарях русского языка разброс в толкованиях слова *агрессия* велик. Так, исключительное обобщённое толкование приводится в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова: ‘наступление, нападение, агрессивное отношение к чем-н.’.

Исключает межличностное проявление агрессии «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой: ‘Нападение одного государства на другое с целью захвата территории, уничтожения или ограничения его независимости и насильственного подчинения его населения захватчику’, признавая за словом *агрессия* исключительное политическую семантику.

«Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой разделяет политическое и межличностное функционирование агрессии, под первым понимая, например, нарушение территориальной неприкосновенности, а под вторым – ‘открытую неприязнь, вызывающую враждебность’.

Аналогичное толкование агрессии приводится и в наиболее современном «Большом толковом словаре русского языка», однако агрессия в межличностных отношениях понимается как словесное выражение вражды и угроза причинения вреда. Таким образом, можно говорить, что агрессия в наивном сознании существует в том числе и в своей вербальной разновидности – речевой агрессии.

Обратим внимание на экспериментальное изучение бытового понимания речевой агрессии в обыденном сознании. Эксперимент, описанный А. А. Дасько, демонстрирует такое понимание этого феномена респондентами:

- брань, матерные выражения;
- любые неуместные в ситуации вербальные действия;
- обвинения, упрёки;
- молчание человека, которому задали вопрос;
- недоговаривание;
- ложь;
- хамство;
- словесное унижение;
- недружелюбные выражения (Агрессия в языке и речи, 2004, 200).

Носитель языка, характеризуя личность как агрессивную, может сказать, что такой человек «обычно оскорбляет других, или что он часто недружелюбен, или что он пытается делать всё по-своему, или что твёрдо отстаивает свои убеждения» (Комалова, 2015, 12). Как видим, в наивной картине мира существует представление о многоликом образе речевой агрессии.

Феномен агрессии вообще изучается целым рядом естественно-научных и гуманитарных дисциплин. Это и философия, и психология, и медицина, и физиология человека, и нейробиология, и социология, и этика, и история, и культурология, а также филологические дисциплины – лингвистика и литературоведение (там же, 4). А. А. Дасько подчёркивает, что границы понятия агрессии не определены чётко ни одной из существующих наук (Агрессия в языке и речи, 2004, 194).

Учёные рассматривают агрессию как многоаспектное явление. Этому феномену существует множество различных объяснений, компактно объединённых С. Н. Ениколоповым, Ю. М. Кузнецовой и Н. В. Чудовой в два подхода к изучению агрессии:

– биологический подход: этологический (К. Лоренц, Й. Эйбль-Эйбльфельд), социобиологический (М. Дейли, М. Уилсон), генетика поведения;

– психологический подход: психоанализ, фрустрационная теория (Д. Доллард), когнитивный неоклассицизм (Л. Берковиц), модель переноса возбуждения (Д. Зиллман), теория научения (А. Басс, А. Бандура), социально-когнитивный подход (К. Дожд), модель социального взаимодействия (Дж. Тедеша, Р. Фелсон) [Ениколопов, Кузнецова, Чудова, 2014, 13].

Количество научных дефиниций понятия агрессии необычайно велико, но ни одно из них, по словам Л. Р. Комаловой, нельзя признать универсальным (Комалова, 2015, 12). Синтетическая природа агрессии обуславливает её изучение в междисциплинарном пространстве. Так, А. А. Попова аккумулирует основные подходы к исследованию агрессии:

– психоаналитический подход З. Фрейда (неспособность преодолеть собственную агрессию и направление её в менее уязвимые цели);

– этологический подход К. Лоренца и Н. Тинбергена (доминирование вследствие борьбы за власть, положение в обществе и признание);

– фрустрационный (ситуативность агрессии вследствие непреодолимости барьера на пути к достижению цели);

– социально-психологический подход Э. Фромма (не природно-инстинктивный характер агрессии, а обусловленность человеческими особенностями, связанными с социализацией индивида);

– бихевиористский подход Б. Э. Торндайка и Дж. Уотсона (агрессия как приобретённая форма поведения, усвоенная в процессе наблюдения за агрессивными действиями и подкрепляемая социумом в дальнейшем);

– психолингвистический подход (агрессия возникает в процессе мышления, в качестве преобразования внешней реакции на негативные раздражители во внутреннюю, так как одной из форм выражения эмоций у человека является речь);

– этнометодологический подход Г. Гарфинкеля (агрессия обуславливается стереотипами, которые воспринимаются как вызывающее поведение, пейоративные или уничижительные высказывания) [Попова, 2015].

Понятие речевой агрессии в гуманитарном знании также имеет широкий спектр значений:

- поступательное доминирующее речевое поведение;
- дискомфортное общение;
- речевой акт, заменяющий агрессивное физическое действие;
- вторжение в когнитивное речевое пространство адресата;
- коммуникативный дисбаланс;
- разрушение гармоничного строя коммуникации;
- вербализованное эмоциональное реагирование (Комалова, 2015, 11).

Возвращаясь к наивному пониманию агрессии, заметим, что, по наблюдениям лингвистов, в последнее время меняется аксиологическая окраска самого слова *агрессия*, а также прилагательного *агрессивный*: «Раньше, если о человеке говорили *агрессивный*, это всегда означало, что мы оцениваем его поведение отрицательно. Раньше сказали бы *агрессивная тактика* – с неодобрением. А если хотели одобрить, говорили – *наступательная тактика*. И вот всё чаще мы слышим и читаем: “Нужны инициативные, энергичные, мечтающие о карьере, *агрессивно* нацеленные на результат, готовые инвестировать своё время и силы” – это в объявлении о вакансиях. “CNN – молодое и *агрессивное* информационное агентство. Самые оперативные новости, фотографии, видеорепортаж”. Или: “Современная леди прогрессивна и *агрессивна*: она делает карьеру в мужском коллективе, настаивая, чтобы её называли по фамилии, как и коллег, и ни при каких обстоятельствах не просили принести кофе”» (Левонтина, 2016, 32).

Одно из последних исследований речевой агрессии открывается мыслью о кажущейся малосущественности и безопасности этого явления (Щербинина,

2021, 7). Речевая враждебность «ретушируется смягчёнными формулировками “словесная несдержанность”, “активность в диалоге”, “напористость в общении”» (там же).

М. Н. Черкасова солидарна с наблюдениями И. Левонтиной: «если в XIX в. слово “агрессия” имело чётко выраженную отрицательную окраску, то в XX–XXI вв. оно приобретает положительные коннотации <...> Таким образом, отмечает автор, происходит генерализация самого понятия “агрессия”: “под агрессией понимаются и “энергичность”, и “инициативность”, и “движение вперёд”, и “умение нападать” наряду с “умением защищаться”» (Черкасова, 2011, 23).

Дальнейший анализ агрессивного поведения действующих лиц в драматических произведениях только подтвердит наблюдения учёных над расширением представлений об агрессии.

В самом общем виде речевую агрессию можно определить как неприятное, грубое, оскорбительное, непристойное общение. Зачастую конфликт, вызывающий у говорящих чувство тревоги и незащищённости или, напротив, чувство собственного доминирования и власти, вынуждает выбирать в качестве средства речевого воздействия именно агрессивную риторику: можно оскорблять и унижать, порицать и угрожать, грубо требовать и не менее грубо отказывать.

Как отмечается в коллективной монографии под научной редакцией М. В. Загидуллиной (Речевая агрессия как свойство информационного пространства, 2011), речевая агрессия имеет синтетическую природу, что обуславливает особую сложность терминологизации и определения содержания этого понятия.

Проблема определения объёма понятия речевой агрессии заключается в её многоликом образе. Общим местом исследований последних лет становится тезис о многоаспектности этого явления, включающего «помимо языковой манифестации психологическую, прагматическую, поведенческую,

социальную и политическую составляющие» (Петрова, Рацибурская, 2011, 36).

В иноязычной литературе единого термина для явлений, подводимых под понятие речевой агрессии, тоже нет: это и verbal aggression (вербальная агрессия), и verbal abuse (жестокое словесное обращение), и insult (нанесение оскорбления), и cursing (сквернословие, ругань, проклятие) [Щербинина, 2021, 8].

Затрудняет выявление сущности понятия и критерий восприятия: даже для наивного (в данном случае понимаемого как ненаучного) сознания одно и то же высказывание может быть и проявлением хамства, и обычным поведением.

В «Большом толковом словаре русского языка» агрессия трактуется, с одной стороны, как ‘вооружённое нападение государства или нескольких государств на какое-либо государство с целью захвата его территории, уничтожения или ограничения его независимости, изменения его политического или общественного строя’, а с другой стороны, как ‘словесное выражение вражды, ненависти к кому-либо; угроза причинения вреда кому-либо’.

Интересно, что вторым значением слова *агрессия* оказывается одно из пониманий речевой агрессии лингвистикой, хотя необходимо уточнить, что первая часть дефиниции применима к одной из её разновидностей – языку вражды, направленному на носителей ценностей, отличных от ценностей адресанта сообщения, а вторая – к одному из типов речевой агрессии в межличностной коммуникации, а именно к угрозе.

В работах последнего десятилетия исследователи-лингвисты отмечают постепенную активную терминологизацию таких словосочетаний, как *речевая агрессия, язык вражды, риторика ненависти, словесный экстремизм* (Воронцова, 2006а, 3). Т. А. Воронцова обращает внимание на разнообразие терминов, используемых филологами в попытках дать определение объекту своего исследования: *речевая агрессия, вербальная агрессия,*

коммуникативная агрессия, словесная агрессия, языковая агрессия (Воронцова, 2006б, 83).

М. Н. Черкасова приводит продолжительный список терминов, используемых для обозначения явления агрессии, связанной с языком и речью:

- вербальная агрессия;
- обценная лексика, вербальная инвектива, инвектива;
- речевая агрессия;
- словесный экстремизм, словесная агрессия;
- язык вражды, языковая агрессия;
- языковое насилие, язык интолерантности (*Черкасова, 2011, 32*).

Очевидно, что интерес лингвистов к подобным явлениям вызван особой социокультурной и языковой ситуацией, в которой находится российское общество. На рубеже тысячелетий И. А. Стернин обращал внимание на то, что «активность большинства членов общества в период реформирования страны нашла взрывной выход». Используя метафору «выброса», учёный говорит о невиданном ранее вызывающем и неконтролируемом поведении – выбросе агрессивности и грубости у части российского общества (*Стернин, 2000*). Такое поведение, конечно, проявляется и в коммуникативной сфере, где на почве различных мировоззренческих позиций часто возникают поля напряжения.

Столкновение противоположных точек зрения, а тем более противоположных идеологий зачастую вынуждает участников коммуникации выбирать в качестве формы представления своих аргументов речевую агрессию. Многочисленные филологические работы в этой области концентрируют внимание на разнообразных формах существования речевой агрессии: от насмешки и грубого отказа до политических лозунгов и экстремистских призывов.

Разнообразие форм агрессии порождает и различное понимание этого феномена. Под речевой агрессией сегодня понимается широкий спектр

явлений, зачастую весьма неоднородных по ситуациям проявления, формам словесного воплощения и целям, которые преследуют собеседники. Однако все исследователи сходятся в одном: речевая агрессия – это, безусловно, негативный способ коммуникации, приводящий в том числе к снижению уровня речевой культуры, вульгаризации общения, неоправданному употреблению бранных слов и выражений.

Разброс в определениях понятия речевой агрессии невероятно широк: от узкого, фиксирующего замещение физического акта речевым (оскорбление, грубая брань, насмешка, угроза, враждебное замечание, злопожелание, категоричное требование без этикетных формул) до вообще любого вида доминантного речевого поведения (*Басовская, 2004, 257; Воронцова, 2006б, 83; Якимова, 2011*).

По словам Е. Н. Басовской, широкое понимание речевой агрессии делает коммуникацию тотально агрессивной. В подтверждение исследователь приводит мысль Р. Барта из работы «Война языков»: «Не является ли <...> сама фраза, как практически замкнутая синтаксическая структура, боевым оружием, средством устрашения; во всякой законченной фразе, в её утвердительной структуре есть нечто угрожающе-императивное... В своей повседневной, по видимости свободной жизни мы ведь не говорим целыми фразами...» (цит. по *Басовская, 2004, 257*).

В самом общем виде под речевой агрессией понимают грубое, оскорбительное, обидное общение. В учебных определениях подчёркивается, что подобные речевые акты имеют неприемлемую для коммуникативной ситуации форму и выражают негативные чувства, эмоции или намерения (*Риторика, 2015, 194*).

С учётом формального и содержательного критерия выделяются такие типы речевой агрессии, как оскорбление, угроза, враждебное замечание, порицание, колкость и др. Агрессивные намерения могут быть выражены и скрыто, и косвенно в самых разнообразных формах: от ёрничества и брани до доносов и сплетен.

Существуют различные типологии речевой агрессии. Продуктивной представляется классификация А. Басса, приводимая авторами энциклопедии «Культура русской речи». А. Басс выделил два вида агрессии: физическую и речевую в их активной и пассивной ипостасях. Так, к речевой агрессии относятся следующие виды:

- активная прямая (словесное поношение, оскорбление, унижение, угрозы, деструктивные пожелания, призывы к агрессивным действиям, насилию);
- активная непрямая (распространение клеветы, сплетен);
- пассивная прямая (отказ разговаривать с другим человеком, игнорирование его вопросов);
- пассивная непрямая (отказ дать определённые словесные объяснения, демонстративное молчание) [Культура русской речи, 2011, 552].

Анализ многочисленных дефиниций понятия речевой агрессии позволяет сделать вывод о том, что под ней понимается главным образом словесное выражение негативных эмоций и намерений, неприязни и враждебности. При этом часто подчёркивается, что речевой агрессии свойственна неприемлемая, грубая, оскорбительная языковая форма. Таково, например, определение речевой агрессии в «Стилистическом энциклопедическом словаре» под редакцией М. Н. Кожинной, предложенное Т. Б. Трошевой, или дефиниция речевой агрессии, сформулированная К. Ф. Седовым (Речевая агрессия как свойство информационного пространства, 2011, 14).

Ю. В. Щербинина, не разделяя терминологически понятия речевой и вербальной агрессии, приводит похожее понимание исследуемого в настоящей работе явления: «вербальная агрессия – это словесное выражение негативных чувств, эмоций или намерений в особо неприемлемой в данной речевой ситуации форме» (Щербинина, 2011, 6).

Отмечается, что содержание и формы речевой агрессии исторически изменчивы, а значит, можно говорить о периодах спада и активизации

употребления речевой агрессии. В рамках настоящего исследования интерес представляет языковая ситуация в пространстве современного художественного текста, агрессивные тенденции в котором не могут не вызывать исследовательского интереса.

Речевой агрессии в российской науке посвящено немало диссертационных исследований, а также монографий и научных статей. Объектом детального изучения становятся типы речевой агрессии (*Мартынова, 2006; Щербинина, 2001*), различные сферы функционирования агрессии – от печатных СМИ до текстов драматургии (*Власова, 2005; Карякин, 2010; Ларионова, 2009; Мартынова, 2006; Хруненкова, 2010;*), специфика речевой агрессии как коммуникативного акта (*Воронцова, 2006а; Паремузашвили, 2013*). Речевая агрессия оказывается предметом рассмотрения юрислингвистики (*Месропян, 2014*) и лингвокультурологии (*Якимова, 2012*).

Речевая агрессия продуктивно изучается в русистике на протяжении последних трёх десятилетий. Результаты исследований представлены в текстах многочисленных диссертационных исследований, посвящённых феномену речевой агрессии.

Всестороннему изучению речевой агрессии, критике существующих дефиниций этого понятия и анализу внушительного массива текстового материала в рамках коммуникативно-дискурсивной парадигмы посвящена диссертация Т. А. Воронцовой (*Воронцова, 2006а*).

Как свойство личности речевая агрессия рассматривается в трудах М. В. Шишко (*Шишко, 2009*) и Л. Р. Комаловой (*Комалова, 2016*), причём основное внимание уделяется вербализации агрессии как эмоционального состояния.

Речевая агрессия в средствах массовой информации – объект изучения таких исследователей, как Е. В. Власова (*Власова, 2005*), А. В. Евстафьева (*Евстафьева, 2009*) и К. Н. Сайдумова (*Сайдумова, 2016*).

Различные виды речевой агрессии подробно описаны в исследовании Ю. В. Щербининой «Вербальная агрессия в школьной речевой среде» (Щербинина, 2001). Такой речевой акт агрессии, как угроза, изучен И. А. Мартыновой (Мартынова, 2006). Речевая агрессия в политическом дискурсе рассмотрена А. В. Карякиным (Карякин, 2010), в не прямой коммуникации – Э. Э. Паремюзашвили (Паремюзашвили, 2013), в полемических жанрах литературно-художественных журналов – Ю. В. Яковлевой (Яковлева, 2016), в школьном дискурсе учащихся и (отчасти) учителей – Ю. В. Щербининой (Щербинина, 2001).

Не обойдены вниманием и проблемы выражения речевой агрессии в разных лингвокультурах: исследованы средства выражения речевой агрессии на материале русского и английского языков (Закоян, 2010; Лазебная, 2007), в том числе экспериментальными методами (Якимова, 2012).

В трудах А. С. Ларионовой (Ларионова, 2008) и А. В. Хруненконой (Хруненконая, 2010) речевая агрессия рассматривается как элемент художественного текста.

Наконец, Л. М. Месропян в рамках юрислингвистики изучена манипулятивная агрессивная стратегия (Месропян, 2014).

Комплексный подход к речевой агрессии применён в коллективной монографии «Речевая агрессия как свойство информационного пространства», в которой подчёркивается синкретичный облик явления, являющегося психологическим феноменом, характеристикой дискурса, средством речевой выразительности в СМИ, аспектом правового поля и предметом лингвопрагматики (Речевая агрессия как свойство информационного пространства, 2011, 239).

Беглый взгляд на текст, характеризуемый как агрессивный, приводит к безусловному заключению о наличии в таком тексте оскорбительных слов, нецензурных ругательств, неприятных намёков, грубой иронии.

Существующее на пересечении риторики, стилистики, теории речевых актов и других лингвистических дисциплин, являющееся объектом изучения

психологии, функционирующее даже в правовом поле, понятие *речевая агрессия* в рамках настоящей работы требует определения, сообразного материалу и предмету изучения.

В понимании Н. Е. Петровой и Л. В. Рацибурской, речевая агрессия – «жёсткое, подчёркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста вербализованной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление» (Петрова, Рацибурская, 2011, 24).

Авторы энциклопедии «Культура русской речи» понимают под речевой агрессией особую форму речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом (Культура русской речи, 2011, 562).

Изучение теоретической части вопроса приводит к выводу о необходимости учитывать психологическую сторону вопроса, а именно связь речевой агрессии с эмоциями. Одно из продуктивных определений речевой агрессии можно сформулировать, связав психологию и риторику: речевая агрессия – это вид эмоционального воздействия и реагирования, генерируемый триадой враждебности, то есть гневом, отвращением и презрением (Изард, 1980).

Подобное толкование позволяет задаться вопросом: что в языке и речи сигнализирует об агрессии? В зону ответственности филологов входит анализ вербального выражения агрессии, физическая остаётся исследователям из других областей. Поэтому о речевой агрессии будет свидетельствовать вербализация таких понятий, как *агрессия, насилие, убийство* и под., а также понятий, наиболее тесно связанных с эмоциями враждебности, к которым относятся гнев, отвращение и презрение.

Автор настоящего исследования придерживается определения речевой агрессии, предложенного Т. А. Воронцовой в рамках коммуникативно-дискурсивного подхода, поэтому под речевой агрессией в этой работе

понимается «конфликтогенное речевое поведение, в основе которого лежит установка на субъектно-объектный тип общения и негативизирующее воздействие на адресата» (Воронцова, 2006а, 4).

Подобное понимание речевой агрессии приводит и В. Я. Апресян в небольшой статье, посвящённой имплицитной речевой агрессии, где речевая агрессия – это «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» (Апресян, 2003). Подобное определение, как представляется, нужно уточнить, иначе оно позволяет подвести под речевую агрессию конструктивную и аргументированную критику, призывы к следованию социальным и этическим нормам: для речевой агрессии только негативного и критического отношения к адресату недостаточно.

Принципиален для понимания речевой агрессии также спектр объектов речевой агрессии: она может быть направлена не только на личность адресата, но и на само сообщение, его содержание и/или форму. Это подтверждается выделенными А. Г. Бакиевым двумя принципиальными аспектами речевой агрессии: внешним, или формальным (словесное оформление агрессивных проявлений – выбор лексических средств и синтаксических конструкций) и внутренним, или содержательным (тематический и интенциональный аспект) [Бакиев, 2013, 164].

Вслед за Т. А. Воронцовой в настоящей работе автор придерживается точки зрения о допустимости разностороннего понимания речевой агрессии. Справедливым представляется как лингвопсихологический подход (рассматривающий речевую агрессию как проявление негативных эмоций, выраженное в речи), так и подход лингвоэтический (объединяющий социолингвистический, стилистический и лингвоэкологический аспекты), который изучает лексико-стилистический инвентарь маркированных речевых средств выражения речевой агрессии (Воронцова, 2006а, 11–12).

В силу того, что предметом данного исследования являются лексические средства выражения речевой агрессии, доминирующим подходом оказывается

лингвоэтический, предполагающий наличие в агрессивном речевом акте признаков вторжения в когнитивное пространство адресата. Речевая агрессия трактуется Т. А. Воронцовой как «преднамеренная деформация адресантом коммуникативного пространства адресата» и осуществляется

- на речевом уровне как навязывание собственного коммуникативного сценария, стремление присвоить право на речь, превратить диалог в монолог;
- на аксиологическом уровне как навязывание негативного отношения к референту высказывания;

- на когнитивном уровне как негативизация определённого концепта и изменение его места в картине мира адресата (Воронцова, 2006а, 8–9, 16–17).

Предпочтение термину *речевая агрессия* перед термином *вербальная агрессия* вслед за К. Ф. Седовым отдаётся вследствие того, что вербальная агрессия может рассматриваться как разновидность речевой агрессии, наряду с агрессией, выражаемой паравербальными средствами (мимикой, жестами и даже угрожающим, ироническим или протестующим молчанием) [Речевая агрессия как свойство информационного пространства, 2011, 14].

В отдельных работах, например в диссертационном исследовании Ю. В. Щербининой, речевая и вербальная агрессия отождествляются (Щербинина, 2001). В диссертации Т. А. Воронцовой речевая агрессия выступает гиперонимом вербальной агрессии, так как может манифестироваться не только вербальными, но и паравербальными средствами (Воронцова, 2006а).

Причины выбора именно термина *речевая агрессия* основаны и на наблюдениях М. Н. Черкасовой:

- сделан акцент на лингвистическом подходе к проблеме, так как *вербальная агрессия* – термин психологии, описывающий эмоциональное состояние человека;

- не нарушается ряд устоявшихся лингвистических терминов *речевой акт*, *речевое поведение*, *речевая стратегия*, *речевая тактика*;

– соблюдается гиперонимический характер термина *речевая агрессия* по отношению к таким понятиям, как *инвектива, обценная лексика, словесный экстремизм, язык вражды* и пр. (Черкасова, 2011, 34).

К. Ф. Седов отмечает, что «обычно речевая агрессия проявляется в коммуникативных конфликтах – столкновениях между участниками коммуникативного взаимодействия» (Речевая агрессия как свойство информационного пространства, 2011, 14).

Понятие конфликта и понятие агрессии в настоящей работе разводятся. Под конфликтом вслед за А. Г. Бакиевым и Я. Х. Сажениной понимается взаимодействие в ситуации противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов (Бакиев, 2013, 162–163; Саженина, 2015, 199). Агрессия не является обязательной формой взаимодействия в условиях конфликта. Конфликт может способствовать совершенствованию социума, речевая агрессия же является неконструктивным способом разрешения конфликта, провоцирующим его эскалацию.

Разграничить речевую агрессию и другие смежные явления (например, коммуникативную неудачу или манипуляцию) позволяет критерий интенциональности, предложенный Т. А. Воронцовой (Воронцова, 2006б, 84). Речевое манипулирование отличается от речевой агрессии тем, что манипулятор скрывает от адресата свои истинные намерения: у жертвы манипулирования возникает иллюзия, что она самостоятельна в своём выборе (Русский язык. Школьный энциклопедический словарь, 2014, 330).

Итак, в основе агрессивного общения лежат установка на антидиалог и две интенции – два вектора речевой агрессии: выражение негативного отношения к адресату или референту высказывания (аффективный вектор) и установка на субъектно-объектный тип общения с адресатом, проявляющаяся в деструктивном речевом поведении (прагматический вектор) [Воронцова, 2006а, 8].

Таким образом, под **речевой агрессией** в этом исследовании понимается целенаправленное, мотивированное, конфликтогенное речевое

поведение, в основе которого лежит негативное эмоциональное воздействие на адресата, реализуемое в любой разновидности дискурса и в любом типе коммуникации (Воронцова, 2016, 110). Фокус рассмотрения феномена речевой агрессии – её лингвоэтический аспект, а именно средства выражения агрессивного речевого акта лексическими единицами и подвиды (жанры) этого акта, то есть особый инвентарь агрессивных средств русской языковой личности.

В силу изучения исключительно русской драмы, можно говорить также о национальной специфике речевой агрессии. Это подчёркивается в созвучном определении речевой агрессии, предложенным М. Н. Черкасовой, которая называет агрессию действием, заключённым в культурно-национальную специфику коммуникации и конструируемым определённым образом подобранными языковыми средствами (лексикой, интонацией, способом организации высказывания и т. д.) [Черкасова, 2011, 33–34].

§ 1.2. Средства выражения речевой агрессии

Речевая агрессия рассматривается как специфическая форма поведения или деятельности, основным орудием которой служит язык. Типология речевой агрессии может состоять из двух крупных её разновидностей: эксплицитной (бранная лексика, проклятия и др.) и имплицитной (замаскированной, выраженной неявно). При этом условимся считать первый тип агрессии обращённым к слову, а второй – к дискурсу.

Все формы речевой агрессии реализуются лексическими, синтаксическими, интонационными и иными средствами языка. В рамках настоящего исследования нас интересуют лексические средства её выражения.

Лексика как уровень языка, по сравнению с другими его пластами, наиболее подвержена изменениям, быстро реагирует на перемены, фиксируя динамику действительности. Изменениям подвержены и средства выражения речевой агрессии, представленные особыми лексическими единицами.

Репертуар агрессивных лексических единиц чрезвычайно объёмен и составляет особый лексико-стилистический инвентарь, функционирующий по принципу тематических групп – крупных лексических объединений одной сферы действительности. Сообразно структуре значения лексемы агрессивность единиц этого инвентаря может проявляться как в самом значении, так и в коннотативных семах.

В этот репертуар входят оценочные лексические и фразеологические единицы, отражающие состояние социального и нравственного неблагополучия в обществе и свидетельствующие об особенностях агрессивной языковой личности. В пространстве художественного текста обилие негативно окрашенной лексики, безусловно, создаёт особый эмоциональный и эстетический фон (*Черняк, 2016, 143*).

Н. Е. Петрова и Л. В. Рацибурская предлагают следующую типологию маркеров речевой агрессии: наклеивание ярлыков, использование бранной лексики и фразеологии, стилистически принижённых слов, авторских слов с явно выраженной негативной семантикой, а также прецедентных текстов с подобными коннотациями (*Петрова, Рацибурская, 2011*).

Основными показателями речевой агрессии, таким образом, выступают стилистически маркированные языковые средства: экспрессивно-окрашенная лексика, грубо-просторечные слова, инвективная лексика, окказионализмы, агрессивная метафора и др. Другими словами, маркерами речевой агрессии оказываются единицы специфического словесного инвентаря.

Различные элементы языковой системы в разной степени открыты влиянию экстралингвистических факторов. Быстрее всего на социокультурные перемены реагирует лексико-фразеологический уровень языка (*Русский язык. Школьный энциклопедический словарь, 2014, 522*).

Выбор именно этих средств выражения речевой агрессии для исследования обусловлен именно подвижностью, динамичностью лексики как уровня языковой системы. Лексика «реагирует на происходящие в обществе перемены весьма чутко и исторически быстро. Особенно явно это

можно наблюдать в периоды радикальных трансформаций государственного, социального, экономического устройства, которые сопрягаются с ломкой стереотипов поведения, переориентацией морально-этических установок, демаркацией рубрик аксиологической шкалы» (Васильев, 2003, 46–47).

Основная сложность в выделении сигналов речевой агрессии на лексическом уровне – потенциальная агрессивность любого слова. Известно, что «использование языка в социальной жизни человека всегда содержит определённый потенциал “естественной” оскорбительности» (Голев, 2000, 5). Другими словами, любое слово может стать оскорбительным, получив агрессивный «заряд» в соответствующем контексте.

Понятие речевой агрессии тесно связано с понятием инвективы, под которой в самом общем смысле понимается вербальная атака, словесный наезд, нападка. Представляется продуктивным понимание инвективности как особой функции языка, исполнение которой так же естественно, как и выполнение коммуникативной или когнитивной функции (Шарифуллин, 2004, 132).

Признание за языком такой функции позволяет говорить о том, что инвективный потенциал языка может быть реализован как оскорбительной, так и неоскорбительной лексикой (Коряковцев, Головачева, 2004, 229). Так, например, В. Я. Апресян отмечает, что глаголы *таскать*, *тащить*, *запихать* в первом своём значении нейтральны, но при гиперболическом использовании могут придавать высказыванию агрессивность: *Зачем ты запихал* (Здесь и далее выделено автором работы – М. В.) *сюда мою сумку?* (Апресян, 2003).

Вот так изначально не оскорбительная лексика может функционировать в тексте драмы:

КАТЯ. Ой, ты меня чуть дверью не убил.

ТОХА. Подслушиваешь, Храброва?

КАТЯ. Ага, щас, **не дождешься**.

ТОХА. Тсс.

Огнева М. Воин

По всей видимости, в обыденной речи практически любое слово в определённой ситуации и в соответствующем просодическом оформлении может быть воспринято как оскорбительное (*Романова, 2006, 66*).

Выражение как положительных, так и отрицательных эмоций к какому-либо феномену возможно одними и теми же лексическими единицами. Вот как об этом рассуждает В. И. Жельвис: «Сложный состав эмоций приводит к возможности неоднозначного истолкования слова в тексте. Один и тот же вокабуляр оказывается в состоянии выразить пейоративное (отрицательное, осуждающее) и мелиоративное (положительное, одобрительное) отношение к явлению» (*Жельвис, 1990, 4*).

Согласно О. В. Демидову, инвективный характер лексики зависит от контекста, и в определённых случаях бранной может оказаться и общеупотребительная лексика, лишённая экспрессивности (Речевая агрессия как свойство информационного пространства, 2011, 168–170).

Формирование мелиоративных или пейоративных значений у слов нейтрального характера возможно только в контексте, который провоцирует нужную оценку (*Клушина, 2008, 108*). Именно поэтому все отобранные для анализа единицы рассматриваются контекстуально – в соответствии с тем языковым окружением, в которое они попадают.

Типологию средств выражения речевой агрессии не обходят стороной лингвистические исследования различного рода. Так, к национальным особенностям речевой агрессии Н. С. Якимова относит использование

- оценочных междометий и частиц;
- фамильярных обращений;
- разговорных выражений, просторечной лексики и лексики сниженного стиля;
- обидных номинаций;
- преувеличений (*Якимова, 2012*).

Лексическими маркерами «агрессивного» текста, названного так в психолингвистической типологии текстов В. П. Белянина (*Белянин, 1988*), Е. А. Репина называет

- употребление негативно окрашенной лексики, относящейся к семантическим категориям ‘низ’, ‘тоска’, ‘смерть’, ‘голод’;
- обращение к физиологической стороне человеческого существования;
- употребление негативно окрашенной лексики на фоне отсутствия поэтически окрашенной лексики, историзмов и заимствований;
- скудное использование стилистических приёмов, в основном негативно окрашенных эпитетов, сравнений и гипербол (*Репина, 2000*).

Т. Г. Сербина к лексическим средствам выражения агрессии относит:

- лексику, связанную с понятием *война: бой, враги, мобилизация, наступление, оккупанты, оружие, противники, фронт;*
- лексику, обозначающую агрессора и агрессивные действия: *боль, жертва, зверски, избивать, истязать, маньяк, насильник, страх, убийство;*
- метафорическое описание политических действий;
- инвективную лексику;
- жаргонную лексику;
- навешивание ярлыков на оппонентов (*Сербина, 2011*).

Наиболее общую и минимально детализированную классификацию лексических средств выражения речевой агрессии приводят Н. Е. Петрова и Л. В. Рацибурская, куда включают

- лексику с оценочной семантикой – как нейтральную, так и экспрессивно окрашенную, стилистически сниженную, откровенно грубую, инвективную (*вопиющий, глупец, мазила, неудачно, опошил, отвратительный, плохой, преступно, проиляпил, халатность, шавки*);
- неоправданную экспансию арготизмов, способствующую навязыванию уголовной морали, антисоциального образа мыслей и поведения (*авторитет, беспредел, братва, бык, вор в законе, завязать, заказать, заказуха, кидала, кликуха, крыша, наезд, отморозок, пахан, разборка,*

стрелка), и уже породившую словообразовательные гнезда (*крыша – крышевать, крышевание, крышевик, крышующий; лох – лохмен, лохня, лоходром, лохотрон, лохотронщик; тусовка – тусоваться, тусовщик*);

– словообразовательные неологизмы (*бандеризация, медведизм, ментовщина, нашисты, путиноиды, советщина, толерасты, чеченизация*);

– агрессивные сравнения и метафоры;

– иноязычную лексику (*make-up, open-air, short list, Web’ализация*)

[Петрова, Рацибурская, 2011].

Как видно из приведённых классификаций, речевая агрессия в лексике и фразеологии манифестируется, с одной стороны, предметно-тематически (описание жестокости, насилия, смерти, военных действий) и, с другой стороны, семантико-аксиологически (в коннотациях оценки понятия, обозначаемого лексической единицей). Таким образом, на лексико-фразеологическом уровне агрессивным маркером выступает лексико-семантический вариант или коннотация, содержащие агрессивные семы (Черкасова, 2010, 43).

В соответствии с таким пониманием маркеров речевой агрессии М. Н. Черкасова предлагает следующее решение проблемы типологии. В классификации исследователя лексические средства речевой агрессии образуют два пласта: предметно-тематический и семантико-аксиологический.

1. Предметно-тематический пласт организуется образами врага, страха, жестокости, смерти, насилия, войны, борьбы, секса.

Концептуальное пространство текста, «заряженного» речевой агрессией, включает такие единицы, как

– концепт ‘смерть’ (*мёртв, погиб, самоубийство, свести счёты с жизнью, умирать*);

– концепт ‘страх’ (*опасный груз, ужас*);

– концепт ‘жертва’ (*если доживёт, раненый*);

– концепт ‘враг’ (*взяточник, криминальный авторитет*);

– концепт ‘гнев’, ‘раздражение’, ‘ярость’ (*жестoko избили, разборки*);

- концепт ‘насилие’ (*взял и ударил*);
- концепт ‘конфликт’ (*борьба, война, перебранка, противоборство, столкновение*);
- концепт, указывающий на ограничение свободы личности (*заключён под стражу*);
- концепт, указывающий на запрет (*не делайте этого, так нельзя*) [Гуськова, 2012, 158].

2. Семантико-аксиологический пласт включает

- слова, содержащие только отрицательную характеристику для номинации, контекстуальное употребление которых может быть расценено как агрессивное или оскорбительное;
 - ксенофобизмы, служащие для обозначения определённого этноса или являющиеся маркерами религиозной принадлежности (*даги* [о жителях Дагестана], *негр, хач, хачик, цыгане, чучмек* и т. д.; *ваххабит, нехристь, шахид* и т. д.);
 - переносные значения слов с презрительной, уничижительной, бранной окраской (*черножопый, чёрный, чурбан, чурка*), часто в этом случае речь идёт о зоосемантических метафорах с агрессивным компонентом (*гад, козёл, свинья, скотина*);
 - бранные слова при обращении к человеку, сказанные в адрес человека (инвективы, злословие, проклятия, злопожелания, прозвища, ярлыки);
 - жаргонные слова, часто уже ангажирующие агрессивный компонент и нередко имеющие негативную оценку, которая в непривычном для жаргонизмов окружении только усиливается в результате диссонанса с литературным контекстом;
 - определённые идеологемы и стереотипы, которые уже целенаправленно воздействуют на сознание адресата (*образ врага*);
 - эвфемизмы;
 - реализацию национально-культурного агрессивного компонента значения слова;

– иноязычные слова, выполняющие функцию экспансии русского языкового пространства (*Черкасова, 2011, 63–68*).

К речевой агрессии некоторые исследователи (например, Н. Е. Петрова и Л. В. Рацибурская, М. Н. Черкасова) относят использование иноязычных слов как проявление насильственного переноса чужой культуры. Вслед за Н. И. Клушиной автором настоящего исследования такое явление понимается как макаронический идиостиль – показатель высокомерности или стилистической небрежности автора, а потому не рассматривается в данной работе (*Клушина, 2014, 62*).

Сводя воедино различные классификации лексических маркеров речевой агрессии, Л. Р. Комалова предлагает следующую типологию:

– негативно окрашенные экспрессивные лексемы, относящиеся к семантическому полю «Агрессия» со значением разрушительных действий, отрицательных эмоциональных состояний и негативных оценок, со значением смерти, обмана / разоблачения;

– неологизмы, оценочность которых может быть связана как с мотивирующей базой (например, собственные имена лиц, слова с негативным денотатом и т. д.), так и словообразовательными средствами;

– агрессивные сравнения и метафоры;

– слова, содержащие только отрицательную характеристику для номинации, контекстуальное употребление которых может быть расценено как агрессивное или оскорбительное;

– ксенофобизмы, служащие для обозначения определённого этноса или являющиеся маркерами религиозной принадлежности;

– слова в переносных значениях с презрительной, уничижительной, бранной окраской, часто в этом случае речь идёт о зоосемантических метафорах с агрессивным компонентом;

– инвективы (бранные слова), обценная (непристойная) и стилистически сниженная (разговорная, просторечная лексика, клички, дисфемизмы, словесные ярлыки при обращении к человеку, в адрес человека);

– жаргонные слова, часто уже ангажирующие агрессивный компонент и нередко имеющие негативную окраску, которая в непривычном для жаргонизмов окружении только усиливается в результате диссонанса с литературным контекстом;

– идеологемы и стереотипы, которые целенаправленно воздействуют на сознание адресата, в частности базовая идеологема *образ врага*;

– эвфемизмы с агрессивной семантикой;

– использование безысклительной и усилительной лексики;

– реализация национально-культурного агрессивного компонента значения слова;

– использование иноязычных слов, выполняющих или функцию экспансии русского языкового пространства, или уничижительную функцию по отношению к адресату (когда адресант специально использует слова иноязычного происхождения, заведомо непонятные адресату, или же автор демонстрирует своё негативное, агрессивное, отношение к описываемому);

– использование просторечной лексики для создания эффекта близости с читателем;

– использование гиперболы для придания высказыванию агрессивного тона;

– стилистически маркированные лексические формы, в частности диминутивы;

– использование концептуальной метафоры, метонимии, метафорического эпитета, сравнения, а также иронии и сарказма, выражающих агрессию (*Комалова, 2015, 60–63*).

Все приведённые выше классификации не имеют единого основания вследствие многоликого образа агрессивных речевых актов и разнообразия средств выражения агрессивных интенций в речи. Отталкиваясь от заявленной гипотезы о существовании особого тематического поля речевой агрессии, приведём наиболее адекватную материалу классификацию лексико-

фразеологических средств выражения речевой агрессии, с опорой на которую проводится настоящее исследование.

Итак, по мнению Г. В. Кусова, в русской культуре существует множество моделей негативной оценки языковой личности, а значит, тематический разброс и репертуар средств выражения речевой агрессии необычайно велик:

– использование в качестве характеристики лица нецензурных, инвективных слов и выражений;

– сравнение лица с отходами жизнедеятельности (*гниль, дерьмо, мусор, падаль*);

– использование слов и выражений, обозначающих антиобщественную, социально вредную деятельность (*взяточник, вор, мошенник, проститутка*);

– использование зоосемантических метафор, отсылающих к названиям животных и подчёркивающих какие-либо отрицательные свойства человека (*свинья* – нечистоплотность или неблагодарность, *собака* – злой, грубый человек; *осёл* – глупость; *корова* – неповоротливость);

– использование слов с ярко выраженной негативной оценкой, выражающих социально осуждаемое поведение (*предатель, расист, трус*);

– номинация непрестижных или «жестоких», «грубых» профессий (*бракодел, живодёр, палач, сатран*);

– использование слов, содержащих экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности без указания на конкретную деятельность (*изверг, негодяй, хам*);

– использование для характеристики лица эвфемизмов слов, обозначающих осуждаемую антиобщественную деятельность, имеющих негативно-оценочный характер (*да не отсохнет рука берущего, женщина лёгкого поведения, представительница самой древней профессии*);

– использование негативно-оценочных каламбурных образований и негативных обыгрываний имён общественных деятелей или широко

известных персонажей (*дерьмократы, коммуняки, Е. Б. Н., Жирик, Жир, телеПутин* и т. д.);

– использование пренебрежительной лексики, дискриминирующей человека по признаку принадлежности к определённой национальности или расе (*пигмей, турок, узкоглазый, чукча, чурка*);

– использование пренебрежительной дискриминирующей лексики идентификации лица по профессиональному признаку (*легалый, мент, мусор*);

– отождествление с одиозными личностями современности, литературными, сказочными и мифологическими героями, библейскими персонажами (*Гитлер, Саддам, Собакевич, Хлестаков, Иуда, Цербер, Яга*);

– использование лексики, обозначающей грехопадение, аморальное поведение с христианской точки зрения (*антихрист, ренегат, сатана, чёрт*);

– использование лексики, обозначающей предметы домашнего быта и обихода (*тюфяк, чайник, швабра, шкаф*);

– негативная характеристика деятельности путём использования глаголов с осуждающим значением или прямой негативной оценкой (*воровать, обмануть, хапнуть*);

– использование устойчивых выражений разговорного языка с негативной, неуважительной оценкой (*в гробу я его видел, видел я его в белых тапочках, квазиморда, конь с яйцами*);

– использование медицинской терминологии (*дебил, заморыш, истеричка, психопат, шизик*);

– использование лексики идеологического противостояния (*валютчик, несун, спекулянт*);

– использование дискриминирующей лексики, определяющей личные деловые качества человека, его умственные способности, недостатки строения тела (*делец, демагог, деятель, дилетант, мастак, писака*);

– использование негативно-оценочных прилагательных, адресованных конкретной личности (*больной, ненормальный, отмороженный, чокнутый*);

– использование «приращённого смысла» к нейтральной лексике (*узколобый ковбой со своим послушным островным пуделем* – о руководителях США и Великобритании, где нейтральные *ковбой* и *пудель* приобретают негативный оттенок благодаря прилагательному *узколобый* и приращённому качеству к слову *пудель* – в смысле несамостоятельности при принятии важных решений);

– использование суффиксов субъективной (негативной) оценки, сопровождающих сообщение особыми оттенками ироничности, пренебрежения, уничижения, грубости (*дитя – деточка, детина; работник – работничек*);

– прямая негативная оценка (*в приправе жуткого апломба, красно говорить не обучен, наглый, умом не пыщут и не блещут*);

– выделение негативного оттенка на письме при помощи графических знаков оценки (*не васнецовские «защитники земли русской»*);

– использование идиоматических выражений с негативной семантикой, преподносимые как народная мудрость (*чёрного кобеля не отмоешь добела*);

– использование в качестве характеристики лица архаизмов, воспринимаемых в современном языке с определённой долей иронии (*барин, батрак, глашатай, царь-батюшка*), [Речевая агрессия как свойство информационного пространства, 2011, 174–177].

Следует отметить, что в настоящей работе из анализируемого материала устранены все контексты, содержащие матерную лексику, то есть обценные единицы, образованные от пяти известных корней – крайне грубые, вульгарные, нецензурные выражения (Русский язык и культура речи, 2012, 260–261).

Русская бранная лексика распределяется по нескольким группам:

– наименования подчёркнуто отрицательной характеристики (глупый, непонятливый человек; подлый, низкий человек; ничтожный человек, ничтожество; проститутка, продажная женщина);

– табуированные соматизмы;

- половой акт;
- отправление физиологических функций и их результатов (Мокиенко, 1994).

Мат в современных русских пьесах встречается, а собранный материал убедительно демонстрирует распределение как бранной лексики вообще, так и матерной лексики по названным выше крупным категориям. Вместе с тем необходимо пояснить исключение матизмов из анализируемого корпуса текстов.

На пространстве нескольких корней сформировано и продолжает формироваться необъятное поле русской обценной лексики. Экспрессия, которую заключает в себе матерная лексика, велика, но конкретное семантическое наполнение этих слов установить затруднительно. Именно поэтому в настоящей работе внимание сфокусировано на ином материале, который, по всей видимости, имеет более конкретное значение.

Таким образом, **лексическими средствами выражения речевой агрессии** в настоящем исследовании будут называться единицы, составляющие особый лексико-стилистический инвентарь, вербализующий агрессивный речевой акт, и несущие агрессивный заряд как в значении лексико-семантического варианта, так и в коннотативном значении. В качестве синонимичного термина также используется понятие **маркер речевой агрессии**.

§ 1.3. Речевая агрессия и языковая личность

Как было показано выше, речевая агрессия является формой воплощения языкового насилия и деструктивного речевого поведения. В речеведении уже давно продуктивно используется ещё одно существенное для настоящей работы понятие, а именно понятие языковой личности – особого вида репрезентации личности, включающего как психический,

так и социальный, этический и другие компоненты, поданные через речевое поведение субъекта.

Изучая языковую личность, исследователь обращается к объекту интеграции личностного и языкового начала, совокупности индивидуальных коммуникативных способностей субъекта, а также всем этапам речевых и мыслительных процессов – от намерения вступить в общение до порождённого текста (*Козырев, Черняк, 2012, 19–20*).

Обращаясь к исследуемому материалу, можно сказать, что язык драмы предлагает в том числе «порочные образцы речевого поведения, когда агрессивность становится частью языковой личности» (*Петрова, Рацибурская, 2011, 4–5*).

Традиционно сферой функционирования речевой агрессии были ситуации, в которых агрессивное поведение рассматривалось людьми как следствие особого социального статуса. Именно поэтому типичной агрессивной средой всегда были семья, учебные заведения, армия, медицинские учреждения, сфера торговли и др. (*Русский язык. Школьный энциклопедический словарь, 2014, 331*).

В разной степени агрессия свойственна каждому типу языковой личности, но, по представлениям К. Ф. Седова, степень агрессивности не только неодинакова, но и сугубо индивидуальна (*Речевая агрессия как свойство информационного пространства, 2011, 36*).

Детально описывая типы речевого поведения языковой личности, К. Ф. Седов предлагает выделять

– конфликтный тип, демонстрирующий установку против партнёра по коммуникации и желание самоутвердиться за счёт собеседника и подразделяющийся на конфликтно-агрессивный и конфликтно-манипуляторский подтипы;

– центрированный тип, характеризующийся наличием у одного или обоих участников коммуникации установки на себя при игнорировании партнёра;

– кооперативный тип, отличающийся доминирующей установкой на партнёра (Седов, 2000, 301–306).

Параметры языковой личности служат основой для индивидуального или коллективного языкового стиля. На аксиологической шкале стиль всегда стоял весьма высоко. Достаточно вспомнить афоризм Ж. Бюффона: «Стиль – это человек» (Русский язык. Школьный энциклопедический словарь, 2014, 530).

Исследуемый феномен речевой агрессии – принадлежность конфликтно-агрессивного подтипа конфликтной языковой личности. По словам К. Ф. Седова, «агрессор – ущербная в социально-психологическом отношении личность», которая для ощущения собственной полноценности должна доставить собеседнику моральный дискомфорт. Крайней формой речевой агрессии признаётся коммуникативный садизм, когда один из коммуникантов становится объектом вербального издевательства (Седов, 2000, 301).

Успешный конструктивный диалог не может развёртываться в условиях агрессивного речевого поведения. Толерантность в коммуникации проявляется в соблюдении коммуникативных норм, в которые речевая агрессия, безусловно, не входит, так как терпимость в общении основана на взаимоуважении и доброжелательности (там же, 379–380), в то время как негативный характер речевой агрессии обусловлен использованием речевых средств, «противоречащих институциональным и ситуативным нормам коммуникации» (Якимова, 2011).

Однако несомненно и то, что речевая агрессия неспроста занимает такие серьёзные позиции в портрете языковой личности. Как неотъемлемая часть человеческого общения речевая агрессия обладает рядом функций. Наиболее чёткое разграничение этих функций при учёте их диалектического взаимодействия приводит М. В. Загидуллина:

– функция саморепрезентации;

- функция адаптации, в том числе для защиты от вторжения в личное пространство;
- функция защиты от «чужаков», нарушающих герметизм группы;
- функция селекции, связанная с идентификацией (то, что в одной группе воспринимается как агрессия, в другой может быть кодом, маркирующим «своих») [Речевая агрессия как свойство информационного пространства, 2011, 7–8].

Таким образом, оказывается, что сущностная характеристика речевой агрессии – её амбивалентность. Древний смысл, вложенный в слово *agressio* в латинском языке, предполагал решительное движение вперёд, и, как справедливо замечает М. Н. Черкасова, в разработке феномена речевой агрессии важно выявлять вектор движения по аксиологической шкале: агрессия бывает «злокачественной» и «доброкачественной» (Черкасова, 2011).

Михаил Угаров, будучи руководителем театра документальной драмы «Театр.doc», отмечал, что «современная пьеса – это не столько эксперимент с языком или драматургической структурой, сколько стремление “уловить воздух времени”». Именно поэтому представляется возможным говорить о языке современной драмы в том числе как о языке эпохи.

Коллективная языковая личность обладает чертами русского коммуникативного сознания, выделенными И. А. Стерниным:

- возможностью заговорить с любым человеком;
- возможностью сделать замечание незнакомому человеку, дать ему совет;
- возможностью вмешаться в беседу разговаривающих людей;
- возможностью высказать своё мнение по поводу того, что обсуждают рядом незнакомые люди, а также поправить их, разъяснить им их ошибку и т. п. (Стернин, 2000).

Всё это говорит об ограничении коммуникативной обособленности личности: русская языковая личность считает допустимым подобное

вторжение. Наличие таких устойчивых коммуникативных черт позволяет говорить, вслед за Ю. Н. Карауловым, о существовании «общерусского языкового типа», о его свойствах, определяющих «национально-культурную мотивированность речевого поведения» (Караулов, 2010, 42), основанных в свою очередь на общности культурных ценностей и традиций (там же, 47).

Речевая агрессия понимается в том числе и как эксплицитно выраженная оппозиционность говорящего по отношению к собеседнику (Басовская, 2004, 258), то есть относится к агональному модусу коммуникации в её интолерантном аспекте: для агрессии обязательно наличие противоборствующих сторон (Шейгал, Дешевова, 2009, 147).

Выделение инвективного типа языковой личности (Седов, 2000) позволяет обосновать уже упомянутую инвективную функцию языка. Стратегия такой языковой личности включает тактики оскорбления, навешивания ярлыков, нагнетания обвинений, ответа вопросом на вопрос и постоянное использование обценной лексики (Шарифуллин, 2004, 133).

Интересно, что, по замечанию В. И. Жельвиса, «словами иной раз можно добиться даже большего, чем соответствующим физическим действием <...> Таким образом, в определённых ситуациях инвектива способна создать видимость активного поиска выхода из эмоционального напряжения» (Жельвис, 2001, 43).

Отмечается, что речевая агрессия имеет положительную катартическую роль, при этом чем оскорбительнее слово, тем лучше оно снимает напряжение. Однако это не отменяет возможности такой депрессии, когда, согласно бытовым определениям, *даже выругаться нету сил, зла не хватает* (там же, 44–45).

Я. А. Волкова главным принципом агрессивного поведения называет следующее: «Основной постулат деструктивного общения – “я хозяин положения, а мой собеседник – жертва, и причинить ей боль любыми способами – доблесть”. Несмотря на циничность подобного заявления, именно такой тип общения поощряется новыми социальными нормами

в межличностной коммуникации, и есть все основания полагать, что деструктивное общение отвоёвывает всё более значительные позиции во всех без исключения сферах человеческой коммуникации» (Волкова, 2012).

Таким образом, по-видимому, имеет смысл говорить о реализации агрессии в речи как о свойстве языковой личности, которая для вербализации своих злонамеренных мыслей использует всё жанровое многообразие русской речи.

В словаре «Вербальная структура коммуникативного акта агрессии» можно найти такое тематическое поле агрессивного поведения: *брань, брюзжание, возмущение, выговор, грубость, дерзость, застрачивание, злословие, издёвка, изывательство, нападки, обвинение, оскорбление, порицание, троллинг, угроза, укор, упрёк, хамство, хула* (Потапова, Комалова, 2015).

Такой пространный ряд отражает бытовое представление о речевой и не только речевой агрессии, существующий в сознании русской языковой личности.

В новейшем исследовании Ю. В. Щербининой речевая агрессия (шире – *злоречие*) распределяется по нескольким категориям в зависимости от интенции говорящего и формы высказывания (Щербинина, 2021, 3–6). Так, к видам злоречия, частично соответствующим жанрам речевой агрессии, относятся

- клевета;
- оскорбление;
- проклятие;
- сплетни и слухи;
- порицание, осуждение и критиканство;
- самоагрессия;
- угроза и шантаж;
- насмешка, шутка и розыгрыш;
- глумление;

- хамство;
- богохульство и кощунство;
- сквернословие;
- hate speech («язык вражды»);
- ссора.

Л. Р. Комалова утверждает, что жанры агрессивного поведения носителя языка можно классифицировать как группообразующие и периферийные (Комалова, 2020, 87–88). Эту классификацию можно представить в виде следующей таблицы, где в первом столбце представлены крупные единицы агрессивных актов, а во втором – их частные разновидности (при наличии).

Оскорбление	
Угроза	
Враждебное высмеивание	Насмешка
	Колкость (шпилька, язвительность)
Волеизъявление	Отсыл
	Злопожелание
	Проклятие
	Грубое (категоричное) требование (приказ, директива)
	Грубый (категоричный) отказ
	Запрет
	Грубое прерывание коммуникативного контакта
Дезинформация	Клевета
	Слухи
	Сплетни
Враждебная оценка (порицание)	Враждебное замечание
	Возмущение
	Обвинение
	Осуждение
	Упрёк
	Неодобрение

	Нотация (чтение морали)
	Жалоба
	Демонстрация обиды
Протест	Возражение
	Коммуникативный саботаж
Аутоагрессия	Самообвинение
	Самобичевание
	Насмешка над самим собой
Публичная агрессия	Коммуникативная травля (троллинг)
	Словесный экстремизм

Кроме того, отдельной разновидностью речевой агрессии следует считать коммуникативный садизм – агрессия ради удовольствия, издевательское общение, имеющее обыкновенно повторяющийся, регулярный характер (Комалова, 2020, 85).

Таким образом, ещё один ракурс рассмотрения речевой агрессии в настоящем исследовании, – жанровый, при этом **жанром речевой агрессии** будет называться форма организации агрессивного речевого акта, соответствующая коммуникативной цели адресанта.

Выводы по главе 1

1. Агрессия – сложное понятие, объединяющее явления сходного рода. Представление о многоликом образе агрессии существует как в наивном сознании (о чём свидетельствуют данные словарей русского языка и экспериментальные разработки), так и в научной картине мира. Синтетическая природа агрессии проявляется и в её разновидности в сфере языка и речи – речевой агрессии.

2. В современную эпоху агрессия постепенно меняет свою аксиологическую окраску: конфликтогенность и недопустимость теперь сменяются легитимацией, а также менее отрицательным отношением

к явлению агрессии вообще. Вербализация агрессивных намерений является отличительным свойством языковой личности, которая реализует в общении специфическую инвективную функцию языка.

3. Продуктивным представляется понимание речевой агрессии в рамках коммуникативно-дискурсивного подхода в лингвоэтическом аспекте. Как общение, в основе которого лежит негативное воздействие на адресата, речевая агрессия может быть выражена средствами особого лексико-стилистического инвентаря – лексикой и фразеологией, вербализующей агрессивную тематику и агрессивные интенции, а также оформлена определённым образом в различные речевые жанры.

Глава 2. Речевая агрессия в художественном тексте

§ 2.1. Агрессогенная лексика в драматическом тексте

Одним из жанровых векторов «новой драмы» С. Я. Гончарова-Грабовская называет социальную драму, эстетика которой базируется на гиперреализме, отражающем духовную и реальную нищету общества, грубость и жестокость его нравов. Пограничное состояние человека, его экзистенциальный выбор, страшная безысходность, контраст чёрного (невыносимая жизнь) и светлого (будущее после смерти) – всё это придаёт пьесам эсхатологический характер. (цит. по *Черняк*, 2009, 115).

Речевая агрессия в русской драме встречается довольно часто. Почти все рассматриваемые тексты в той или иной степени насыщены маркерами речевой агрессии, а также косвенными признаками, свидетельствующими о конфликтной коммуникации.

АНЯ. Все дело в том, что вы **кричите** и **очень невежливо** с нами **разговариваете**. Так нельзя, понимаете? Люди созданы не для **ругани**, а для чего-то другого. Для дела, для разговора, для того, чтобы думать. Если у вас что-то случилось, расскажите спокойно.

Варденбург Д. Никаких сомнений

В. Е. Хализев отмечает, что драматург ставит «своего рода эксперимент, показывает, как высказался бы человек, если бы в произносимых словах он выражал свои умонастроения с максимальной полнотой и яркостью. И речь в драматическом произведении нередко обретает сходство с речью художественно-лирической либо ораторской: герои здесь склонны изъясняться как импровизаторы-поэты или искусённые ораторы». (Введение в литературоведение, 2004, 149). Вероятно, это наблюдение можно применить и к текстам современной драмы.

О языке современной драмы следующим образом высказывался театральный критик Г. Заславский: «это такая драма, которая свободно оперирует разговорным слоём сегодняшней русской речи, её жаргоном, сленгом, а также ненормативной лексикой, давно вошедшей в разговорный

быт <...> Список действующих лиц краток, а сами истории подобны считалочке – “У попа была собака, он её любил, она съела кусок мяса, он её убил”» (цит. по Черняк, 2009, 160). Одна из задач настоящего исследования – показать, как «оперирует разговорным слоем сегодняшней русской речи» новейшая русская драматургия.

Отмечается, что одной из особенностей современной драмы становится то, что «основная смысловая тяжесть перенесена на живой разговорный язык, подслушанный тут же – на улице, в клубе, офисе» (Черняк, 2009, 106). В связи с этим театральным режиссёр Кирилл Серебрянников предполагает, что «это связано с обновлением языка, с обновлением языковой среды, вероятно, и с тем, что пришли новые люди, которые говорят на другом языке... К тому же эти другие люди “про другое” живут...» (там же). С момента этих наблюдений прошло более десяти лет, поэтому, как видится, изучению подлежит уже язык современной драматургии последних лет.

Интересно, что в пьесе П. Бородиной «Исход» появляется образ предельно агрессивного вербально человека. Это пациент психиатрической клиники Толстый, страдающий синдромом Туретта, который представлен в том числе немотивированным и неконтролируемым выкрикиванием ругательств. Проявления расстройства на письме обозначены написанием слов заглавными буквами, при этом и без этого наполненная сквернословием речь Толстого оформлена привычным образом:

МОИСЕЙ. Толстый, закрой, пожалуйста, варежку, шас дежурный проснётся, я тут ещё не доделал.

ТОЛСТЫЙ. Не могу я. Если бы мог, я бы здесь бы не торчал. **СДОХНИТЕ, ПИДОРАСЫ!**

МОИСЕЙ. Так ты не притворяешься что ли?

ТОЛСТЫЙ. Ты дебил? **СУКА, ТВАРЬ, ПАДЛА!** Извини, тебе только дебил было.

Бородина П. Исход

Сами действующие лица могут отмечать спонтанный характер речевой агрессии.

ЛЮДА. Я вроде с Гукасян уладила, полы ей начистила до блеска, и выяснила, что чек из «Медеи» липовый, она меня подставила, сука, представляете.

ЛЯШКО. Не ругайтесь в кабинете.

ЛЮДА. Извините, **вырвалось**.

Крапивина М. Тайм-аут

Однако в большинстве случаев использование агрессивного инвентаря русской лексики – это осознанный выбор героя:

ГОПНИК 1. Ну нахер, этот **гондон голый** вообще может на морозе откинется скоро, че подставляться.

Малухина М. Барбетт одевается

КОСТЯ. Стаканы где?

БОБРИК. Наверху там, на полке. **Быстрей давай, живодёр хренов**.

Тюжин Т. Красный молоток

Так, например, в следующем фрагменте используются самые разнообразные средства выражения речевой агрессии:

НАСТЯ. Да. Чего тебе? Еще в садике. Олег, **отвали а**. Да **иди ты на хер** со своим кино. Тем более с русским. Говорю – **мне насрать** на твое кино! И на лопату твою, тем более титановую. Сварил он лопату, от меня-то что надо? Да, сижу. **Сам ты Маугли!** Да буду с ним, а с тобой не буду. Да, приведу его домой, и он будет спать в моей кровати, а ты не будешь. Потому что. Потому что **ты – тупой**. **Пошел вон**, слышал? Не нравится – **пошел вон**. **Вот и вали**. **Вали из моей квартиры, сварщик гребаный**. Иди, **спи со своими электродами** и чтобы я тебя больше в своей жизни не видела. И ключи оставь. Под ковриком. Ты понял? Все говорю, **пошел**, спокойной ночи. **Дебил**. Кино ему хочется смотреть... **заманал, как ты меня заманал**, сварщик.

Житковский А. Горка

Рассмотрим теперь встречающиеся в текстах современной драмы тематические группы лексики, вербализующие агрессивные высказывания.

§ 2.1.1. Неполюценность разного рода

Процент от общего числа контекстов: 31%

Одним из маркеров речевой агрессии является указание на неполюценность адресата в каком-либо отношении. В драматическом

тексте подобные характеристики включают пространный ряд лексических средств, имеющих агрессогенный «заряд» не только в номинативном и коннотативном элементах значения, но и приобретающих агрессивные смыслы в контексте.

Так, например, в приведённом далее фрагменте непосредственно агрессивной является слово *шизофреничка*, а остальные номинации героев становятся агрессивными, попадая в соответствующее окружение, в том числе содержат указание на ненормальность этих характеристик:

СВЕТА. Боже, это чудовищно, когда день рождения летом! Сегодня у меня в гостях три **социофоба**, два **отличника**, одна **шизофреничка**, два **хоккеиста**, а все остальные **изучают японский язык!**

МАКАРОВ. Но я-то **в пределах нормы**, детка.

Васьковская И., Уткина Д. Бог ездит на велосипеде

Аналогичным образом говорящий может аттестовать героя, который не вписывается в рамки «нормальности». Образ формируется с помощью нескольких средств выражения агрессии: подчёркнутое обращение на «ты», диминутивная форма имени, нагнетание вопросительных реплик, апелляции к жизненному опыту героя и его семейному положению:

ПЛАТОН. Что «надо же»? **Ты-то** – что знаешь о любви, **Жоржик**? **Ты-то** любил когда-нибудь? кого-нибудь? хоть раз в жизни? Когда? Где? **В детском доме? Ни жен, ни детей** – кого ты любил?

Микшис В. Как дважды два

Безусловно, одним из наиболее частотных и «беспроягрешных» вариантов агрессивного поведения является ссылка на психическое отклонение.

В качестве средств выражения речевой агрессии используется лексика семантического поля «Медицина». К ней относятся, например, ссылки на наличие у инвектума болезни вообще, а также указание на факт отклонения (*душевнобольной, сумасшедший*):

МОИСЕЙ (*читает*). **Душевнобольные** или **сумасшедшие**? Путеводитель по редким неврологическим заболеваниям. (*Погрустнев*). Понятно. (*Пауза*).
А дайте мне свой телефон, Оля, я вам смски буду писать.
СТУДЕНТКА. **Вы больной**, что ли?
МОИСЕЙ. Вообще-то да.

Бородина П. Исход

С другой стороны, маркером речевой агрессии выступает агрессивная номинация *псих*, а также указание на необходимость обращения к специалисту в области психиатрии или просто утверждение о существовании некоего отклонения:

КИРИЛЛ. Ты **псих**. Тебе надо лечиться. Если ты не обратишься к психиатру, я расскажу всем, что ты с ней сделал, и тебя отстранят от полетов.

Доценко В. Рейс обратно и туда

СЫН (*разговаривает с другом*). Кстати, про мел. Химица сегодня опять мел жрала, прикинь? Жесть, как так можно? У меня, говорит, дети, кальция не хватает, не обращайтесь внимания. Да как на такое не обращать внимания? Сидит, толстая, в шали этой своей, как с вокзала, – и хрум-хрум... И белые крошки эти ей на сиськи сыплются... Да какой ЛОЛ, тут **форменная дурка**.

Иванов А. Это всё она

Необходимо отметить, что подобные характеристики обычно не связаны напрямую с психическими особенностями героев, а являются унижительными или оскорбительными номинациями, используемыми для размещения оппонента на более низкой ступени иерархии:

АНЯ (*Яне*). Ты посмотри на него. Он **псих**.

ЯНА. Сомневаюсь.

Варденбург Д. Никаких сомнений

При этом распространённым является и слово *урод*, используемое, однако, не в своём изначальном значении ‘человек с ярко выраженным физическим недостатком, безобразной внешностью и обычно психически неразвитый’ (по данным «Большого толкового словаря русского языка»), а в бранной функции:

То было в детстве, а сейчас мы все взрослые. И мне уже тысячу раз было за все это стыдно. А вы все приходите, все находите меня. Задолбали, гребанные психопаты. Оставьте меня в покое, **уроды**.

Битюцких А. Как я научился жить

Известно, что такие слова, как *дебил* или *идиот*, имеют в одном из значений медицинскую трактовку диагнозов людей с отклонениями в развитии. В «Большом толковом словаре русского языка» эти слова семантизируются как ‘человек, страдающий олигофренией’ и ‘человек, страдающий идиотией, слабоумием’ соответственно. Рефлексия на предмет разведения значений слова *идиот* присутствует в пьесе С. Орловой «Хочу по правде»:

КОСТЯ. Поймать могут не наши.

МАША. А кто?

КОСТЯ. Те, кто власть захватил.

МАША. Фашисты.

ВАДИК. Женя же сказал – **идиоты**. Значит, идиоты.

КОСТЯ. Почему идиоты? Если власть захватили – далеко не идиоты.

ВАДИК. Ты так говоришь, как будто на стороне идиотов.

КОСТЯ. Я просто рассуждаю. **Идиоты вообще-то безобидные. Это же медицинский термин.**

ВАДИК. Безобидные... Знаешь, откуда у меня шрам на руке?

Следствием существования иерархии в агрессивном диалоге является упоминание конкретных особенностей психики, которые в повседневной речи перестают быть медицинскими терминами, теряют своё непосредственное семантическое наполнение и становятся агрессивными недоброжелательными номинациями.

К наиболее распространённым в драматургии оскорблениям подобного рода относятся слова *шизофреник*, *дебил*, *идиот* и *даун*:

МАКАРОВ. Зато ты мне снилась. В порнографическом сне. Рассказать?

НАТАША. Попробуй. Только у тебя словарный запас – тринадцать слов.

В том числе «мама» и «бибика».

МАКАРОВ. **Шизофреничка.**

Васьковская И., Уткина Д. Бог ездит на велосипеде

АЛИСА (*перебивает Петюнину*). Чем эту **дебилку** слушать, я вам лучше стих Пушкина почитаю.

Фомина А. Как Петюнина против всех была

НИНА. Зря вы так говорите. Я барышня чистоплотная. У меня справки имеются. Из медицинских и иных заведений.

ШОФЕР. Господи, какая **идиотка!**

Сивцев М. Ковчег

ЛИЗА. Этот **даун** меня облапал!

МИША. (*отпускает брата, делает шаг в сторону Лизы*) Нет, это просто...

ЛИЗА. (*орёт*) Не подходи ко мне, вы больные оба, что ли? Они больные!

Сидерос Д. Всем кого касается

Единичными оказываются примеры самоагрессии, считающейся в психоаналитической литературе механизмом защиты психики, при котором злость как бы перенаправляется на себя, изначально будучи нацеленной на нечто внешнее (*Щербинина, 2021, 229*):

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА. Ты дурак, что ли, совсем? **Или я идиотка старая?**

Малухина М. Барбетт одевается

КОЛЯ. Да, потом он оказался нормальный пацан. **Это мы лохи просто.** Думали, он дебил, в шлепках приперся. **А это мы дебилы.** Ну, норм, че, он же не в обиде на нас?

Блок Н. Фото топлес

В исторических пьесах ненормальность может обозначаться словом *юродивый*:

ДОЦЕНТ. А вы кто?

АРИСТАРХ. Дети подземелья... (*Надевает чепчик и завязывает тесемками под подбородком.*)

МАРКОВИЧ. **Юродивый!**

АРИСТАРХ. Иудушка!

Сивцев М. Ковчег

Особое место в номинациях признаков неполноценности занимает вербализация факта умственной неполноценности:

1. Указание на недостаточность умственных способностей

СТРЕЛЬНИКОВ. Ну этот-то ладно, призывник. Выкормыш какой-нибудь кулацкий, **недоумок**.

Поздняков А. Генерал

Да шоб я больше про твоего **тупаря** не слышала! Задрала своим телёнком хвастаться! Работать пусть идёт, увалень!

Скирда Е. Хеппи энд

2. Ироничная номинация *самый умный*

ГЛАЗУНОВА. Халк, ты debil.

УЧИТЕЛЬНИЦА. А ну прекратили! <...>

ХАЛК. Нашелся **самый умный**.

ГЛАЗУНОВА. Да уж поумней тебя.

Бизяева Е. Март и Слива

3. Аттестация собеседника как *дурака* или *дуры*

ЛИМОН. Ты мне руку сломала, **дура** тупая!

КАТЯ. Даю тебе пять секунд, чтобы свалить.

ЛИМОН. Да пошла ты!

КАТЯ. Раааз...

ЛИМОН. Испугала!

КАТЯ. Двааа...

ЛИМОН. Чиканутая!

Огнева М. Воин

ОЛЬГА: Все москвички – **дуры** и не умеют готовить.

Стрижевская С. Никто не слышал

Интересно, что прилагательное *глупый*, обозначающее менее высокую степень признака, в пьесах не встречается.

В отдельных случаях реализация ссылки на умственную неполноценность выражается описательно. В следующем фрагменте перепалки матери и сына это указание на безграмотность ребёнка:

МАТЬ СЛИВЫ. Ты что совсем того у меня? Ты не помнишь, что в школе было и за что тебе два поставили? Сегодня чего писали-то?

СЛИВА. А, словарь.

МАТЬ СЛИВЫ. Ты слова не можешь правильно написать?

СЛИВА. А ты можешь?

Бизяева Е. Март и Слива

Интересна ссора детей, в которой встречаются как лексемы *псих* и *дура*, так и использование факта совершения ошибок на письме как признака интеллектуальной ущербности:

КАТЯ. Ты псих что ли?

ТОХА. Храброва, тут очень много стульев. Я за себя не отвечаю.

КАТЯ. Димов – псих! Псих! И дурак!

ТОХА. Сама ты дура.

КАТЯ. Я не дура, а **ты тупой, потому что пишешь с ошибками!**

ТОХА. Я пишу с ошибками, потому что у меня дисграфия!

КАТЯ. **Ты пишешь с ошибками, потому что ты тупой.**

ТОХА. Сама ты тупая. Ты тупая! Тупая!

КАТЯ. А брат у тебя такой же тупой?

Огнева М. Воин

Выстраивание неравновесных отношений может реализовываться с помощью ссылки на возраст собеседника. Частой формой подобной агрессии является призыв подрасти, набраться ума и обещание в итоге выслушать аргументы говорящего:

ПЕТЮНИНА. Да вы меня не слушаете!

УЧАСТНИК 2. **Ты подрасти сначала, ума наберись. Книжки почитай.**

Тогда, может, и послушаем.

Фомина А. Как Петюнина против всех была

В учительском диалоге возрастная иерархия реализуется в виде привычного грубого вопроса, даже не предполагающего конкретного ответа от его адресата:

ДИРЕКТОР. Семён, **а кто тебя так учил со старшими говорить?**

Сидерос Д. Всем кого касается

Наконец, примером упоминания возраста является снисходительное обращение, как, например, в следующем фрагменте:

ЮЛЯ. Жизнь не совершенна, **деточка.**

КИРА. Ну вот ты опять. Я не деточка.

Блок Н. Фото топлес

С одной стороны, слово *деточка* может использоваться с интенцией ласковости и теплоты, но в определённом контексте может приобретать негативные коннотации пренебрежения и взгляда свысока.

Описываемая в этой части работы категория неполноценности чрезвычайно широка и включает в себя в том числе упоминание недостатков, связанных с физическим здоровьем человека. Например, факт непонимания собеседником реплики героя может повлечь агрессивное высказывание на тему глухоты, при этом о реальных проблемах со слухом речи не идёт:

ФИЛИПП. **У тебя проблемы со слухом?**

ГЕОРГИЙ. Ты кому лампочки вкручиваешь? (*Подходит к Филиппу*).

Я тебя спрашиваю! (*Выдергивает кресло из-под Филиппа*)

Микшис В. Как дважды два

Кроме того, встречается и непосредственное указание на реальный физической недостаток:

ЛЮДА. Опять Мистический канал смотрит, жопа! «Прошлые жизни!» Ты, наверное, в прошлых жизнях была **глухой тетерей!**

Крапивина М. Тайм-аут

Оскорбительные номинации собеседника включают также указание на особенности зрения. При этом в этой сфере используются исключительно грубые определения: *слепошарый*, *очкастый*, *четырёхглазый*. Подобные лексемы видим в следующих фрагментах:

ВОЖАТЫЙ (*Косте*). Слушай, вот этим товарищам ничего не надо, я по глазам вижу, но ты-то умный.

ВАДИК. Он не умный, он **слепошарый**.

ВОЖАТЫЙ. Вадик! За языком следи.

Орлова С. Хочу по правде

КАТЯ. Что сказал? Повтори!

ТОХА (*в ужасе*). Тихо! Ты чего?!

ДЮША. Да ты знаешь, кто я такой вообще, **очкастая?** Рыба, за тебя теперь девчонки вступаются? (*Смеется.*) Раз брательник не защищает?

Огнева М. Воин

ДЮША (*громким шепотом*). Правильно, **четырёхглазые** уроды должны сидеть друг с другом!

Огнева М. Воин

Наиболее редким оказывается указание на дефекты речи, в частности, заикание:

ЭЛЬМИРА. Слушаю.

ЗАЛИЯ. Простите... Я... это...

ЭЛЬМИРА. **Ты заика?**

Шакурова Ш. За синими туманами

Самым ярким примером агрессивной речи, связанной с существованием социальной иерархии, является эксплуатация темы мужского и женского. При этом в репликах агрессивной личности качества грубой силы, безусловно, приписываются мужчинам. Не обладающие подобной характеристикой из ряда мужчин исключаются:

БОБРИК. А ты давай ещё вломи мне. Давай. Хрен ли инвалиду не вломить?

КОСТЯ. Да пошёл ты!

БОБРИК. **Реальная жижа и есть, даже вломить не можешь!** (*закричал*)

Аааа... ааа... аааа (*спокойно*). За таких вот как ты, у нас сотни пацанов полегло. Ради кого спрашивается?

Тюжин Т. Красный молоток

На примере этой же пьесы можно проиллюстрировать одобряемые некоторыми представителями социума грубость мужских нравов и возможность дать сдачи, вступить в физическую конфронтацию, быть напористым и бесстрашным:

БОБРИК. А знаешь, из-за кого войны начинаются?

КОСТЯ. Из-за кого?

БОБРИК. **Из-за таких, как ты, которые в ответ дать не могут, которые нигде и ни в чём не вывозят. У них нефть есть, земля есть, а яиц нет.**

В том случае, если необходимые качества отсутствуют, мужчина становится подобным женщине. При этом используется номинация *баба* и указание на типичность «женских» проявлений мужского характера (*типичная баба*):

КОСТЯ. Да как-то глупо уже что ли? А где ты воевал?

БОБРИК. Рассказывай, утырок! **Мнёшься, как баба** (неожиданно закричал)
Аааааа.

КОСТЯ. Сам не знаю, что мне надо, но чувствую, что всё непросто так, понимаешь?

БОБРИК. **Типичная баба.** Наливай.

КОСТЯ. Да какая баба? Оно там внутри все клопочет прям...

«Женское» в агрессивном дискурсе зачастую маркируется как отрицательное. Например, это может быть указание на некомпетентность, связанную исключительно с полом героини:

МАША. Я иду с вами. А если не возьмёте, всё равно убегу. Пойду одна. Пропаду, и будете вы виноваты.

КОСТЯ. **Типично женская манипуляция.**

ВАДИК. Зачем ты нам? **Женщины ничего не понимают в походах.**

МАША. Я не понимаю в походах?!

Орлова С. Хочу по правде

Мизогиния, в том числе женская мизогиния, реализуется как указание на неприглядные черты характера, якобы свойственные женщинам как социальной группе:

ВЕРА. А он не будет! Кишка тонка!

ЮЛЯ. Не будет. Потому что он мужчина. **А не злобная баба-истеричка, которая приперлась неизвестно зачем.**

ВЕРА (вдруг громко кричит). Это в каком же месте я истеричка?!

Шестаков Е. Три плюс кот

Наконец, низкое положение в социальной иерархии занимают представители гомосексуальной ориентации, регулярно обозначаемые как *педики*:

ГУЗЕЛЬ. Паш, может, хватит?

ПАША. Да **противно, как педики какие-то.**

РИТА. Пашечка, а почему тебя это так беспокоит? Боишься, всех парней отобьют у тебя?

ПАША. Как, наверное, родителям тяжело, когда все дети не получились.

Сидерос Д. Всем кого касается

В завершение отметим, что указание на неполноценность может быть реализовано с помощью самых различных средств, включающих как собственно бранную лексику, так и контекстуальные способы выражения агрессии.

В следующих фрагментах это указание на место в социальной иерархии, при этом в первом случае агрессия возникает как результат контраста слов *бог* и *лузер*, а во втором – иерархичности противопоставления *всех* и *этого урода*:

НАТАША. А я – **бог**. И я езжу на велосипеде.

Пауза.

СВЕТА. Ты не бог. Ты **лузер**.

Васьковская И., Уткина Д. Бог ездит на велосипеде

МИША. *(спокойно стоя рядом)* Он не разговаривает, говори со мной.

ПАША. Со мной все разговаривают, и **этот урод** тоже будет. *(берет Костю за ворот)*

Сидерос Д. Всем кого касается

Наиболее регулярными оказываются номинации *дурак*, *дура* и *дебил*, возникающие, по-видимому, спонтанно в тех случаях, когда говорящему необходимо подчеркнуть отрицательное отношение к собеседнику:

ТОХА *(падая)*. Вот ты **дура**, Храброва, я же за наших был!

Огнева М. Воин

1 СТАРШЕКЛАССНИК. А прикинь, он сейчас кони двинет? Че делать будем?

2 СТАРШЕКЛАССНИК. Ты **дебил**, да? Докурим да пойдем.

Синяев А. Взломанный

Русская оценочная лексика с семантикой неполноценности чрезвычайно разнообразна. К примеру, спектр имён прилагательных, обозначающих различного рода неполноценность очень широк: *бездарный*, *гадкий*, *гнусный*, *дремучий*, *дурацкий*, *мерзкий*, *непорядочный*, *поганный*, *позорный*, *ублюдочный*.

Уже не приводя конкретных примеров, перечислим те качества и свойства личности, которые могут оцениваться негативно: скардность,

бедность, подлость, жестокость, лицемерие, хамство. Этот список, безусловно, можно продолжать и дальше.

§ 2.1.2. Предосудительная деятельность

Процент от общего числа контекстов: 19%

Классический случай речевой агрессии – наименование объекта лицом, совершающим антиобщественную, предосудительную деятельность. Обобщённый образ таких людей содержится в реплике Игоря Евгеньевича в следующем фрагменте пьесы, где прослеживается, с одной стороны, негативная оценка (*столько мразей*), а с другой стороны, факт безнаказанности и разнообразия подобной деятельности:

РЕГИНА. А через год выяснилось, что этот мент был **стукачом**. Через него много лет шла утечка информации. Отец был поражен. Все ходил, рассуждал чего-то там про эффект бумеранга.

ИГОРЬ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Да какой там бумеранг? **Столько мразей вокруг безнаказанно черти чего творят.**

Доценко В. Рейс обратно и туда

Привнесение семантики предосудительности возможно практически в любом контексте, даже если эта деятельность по своей сути не является «вредной» (в следующем примере – *социалист*). Однако в конкретном окружении и в определённом историческом плане и изначально оценочные номинации становятся предельно агрессивными:

МАРКОВИЧ. Берите за ноги, **расстрига-социалист**.

АРИСТАРХ. ИУДА!

МАРКОВИЧ. Юродивый!

АРИСТАРХ. Эксплуататор!

МАРКОВИЧ. Разложенец!

Сивцев М. Ковчег

В этой же пьесе находим пример ещё одной словесной перепалки, в которой звучат всевозможные обвинения в антиобщественной деятельности (*агитаторша, падший ангел, подстилка*):

НИНА. Да здравствует мировая революция, товарищи!
ДОЦЕНТ. Вот так **агитаторша**.
ХРУСТАЛЕВА. Заразилась в Совдепии.
МАРКОВИЧ. И меня соблазнить хотела...
АРИСТАРХ. **Падший ангел...**
ШОФЕР. Ах ты, **чекистская подстилка!**
НИНА. Я вас презираю! Вы – обрывки царского режима.
МАРКОВИЧ. А еще курсистка!
ШОФЕР. Бонапарт в юбке!

Сивцев М. Ковчег

Попутно отметим, что в процитированном фрагменте носитель предосудительных качеств оказывается в реплике одного из действующих лиц «больным»: *заразилась в Совдепии*. Подобная метафора характеризует героиню как обладателя худших черт, которые белые эмигранты видят в новоприбывшей из Союза героине.

Кроме того, исторически предосудительная деятельность (*кулак*) может возникать и в более поздний хронологический период, как в следующем фрагменте из пьесы, действие которой происходит во время Великой Отечественной войны:

СТРЕЛЬНИКОВ. Ну этот-то ладно, призывник. **Выкормыш какой-нибудь кулацкий**, недоумок.

Поздняков А. Генерал

Исторические реалии, связанные с насилием, могут быть использованы в оценочных репликах, например, в тех случаях, когда герой не может не отметить несоответствие воспитательных методов реальной ситуации:

МАМА ДИМЫ. Так, пошли отсюда. **Хуже Гестапо**, не знаю. Кто вас вообще к детям пустил?

Житковский А. Горка

В случаях, когда агрессору необходимо отметить негативные черты своего собеседника, возможна апелляция к реальной предосудительной деятельности. Так, в пьесе В. Доценко «Рейс обратно и туда» героиня называет своего сына *наркоман*, которым он по сюжету и является:

ЖЕНЩИНА. Ты чего, совсем охренел? **Наркоман несчастный!** Кто все это будет стирать?

ЖЕНЩИНА. Гад, **наркоман**, сволочь, родного отца бить?

В аспекте предосудительной деятельности чрезвычайно продолжителен ряд номинаций, связанных с проституцией, причём направлены они исключительно на женщин. Отдельные слова характеризуют женщин как класс в том случае, когда говорящему необходима отрицательная характеристика:

ЛИДИЯ АФАНАСЬЕВНА. Я всех этих **шлюх** от него отвадила. Они вокруг него, как рой пчел, он парень-то видный был.

Крапивина М. Тайм-аут

Другие фрагменты содержат личные оскорбления, в которых раскрывается причина использования подобных слов. Например, в следующем диалоге факт адюльтера означает для героини не просто измену, а в принципе сущность обвиняемой: она для неё беспутная, распущенная женщина, а потому *шалава*.

ЯНА. Он написал, что не может меня забыть, любит и просит о встрече.

ОЛЬГА. Врёшь!

ЯНА. Это правда.

ОЛЬГА. Замолчи, **шалава!** Ты знаешь, что у него дети?

Стрижевская С. Никто не слышал

Контекст, в котором женщина характеризует свою соперницу в борьбе за мужское внимание и расположение, практически всегда содержит упоминание легкомысленного поведения:

ОЛЬГА. Я так думаю, что смогу её, эту хмару, взять измором. **Что она ему предложить может? Ноги раздвинуть?** Это я тоже умею, не хуже, чем другие. <...> Я её сделаю, эту стерву. Вот увидите. Я её сделаю – терпеньё и труд всё перетрут.

Стрижевская С. Никто не слышал

Обвинения мужчины в распутном поведении единичны, но они включают ожидаемую номинацию *кобель*:

ЖАННА (*Амосовичу*). **Кобель ты старый.** Я ещё тебя прикрывала столько лет. (*Ольге*.) Он, мам, с тётёй Наташей спал.

Соколов Д. Огонек

В том случае, когда предельно отрицательную характеристику требуется дать мужчине, используется обвинение в гомосексуальности. Это почти универсальный способ унижения референта высказывания или оппонента в споре. В следующем примере интересна в том числе и языковая рефлексия героини, которая сомневается в выборе нужного слова для обозначения постыдного, по её мнению, понятия (*как там этот кошмар ещё называется*):

МАТЬ. Теперь я боюсь... Что он... Подожди, я соберусь... Я боюсь, что он... Го... Понимаешь, **гомосексуалист**. Ну, гей, как там этот кошмар еще называется...

Иванов А. Это всё она

Однако номинации, первоначально связанные с гомосексуальностью, в контексте теряют эту семантику, превращаясь в бранную лексику, уже оторванную от изначального смысла:

ЭКСТ. В больнице сотряс определили, он полежал там, таблы попил, короче нормально. Через месяц уже в футбол гоняли. А **пидора** этого так и не нашли, ну на классике который, **классический пидор**, сбил человека и домой покатил.

Синяев А. Взломанный

В этом эпизоде герой аттестует преступника в отрыве от предпочтений последнего, а слово *пидор* выступает как агрессивное наименование лица, совершившего преступление.

Схожим образом функционирует слово *педераст*, которое в контексте также употребляется как бранное, но не связанное с исходным значением:

КАДЕТ. Врут. В Праге число русских газет превышает московское. Я сам в издательстве «Пламя». К нам даже Аверченко приходил. Эссе свои принес. Эстетские и очень злые.

Входит Маркович, слышит последнюю фразу.

МАРКОВИЧ. Все эстеты – **педерасты**. Обличают друг друга. Одни хотят царя, другие демократию, а третьи – горилку с перцем.

Сивцев М. Ковчег

Таким образом, указание на гомосексуальность не обязательно оказывается дискриминацией. Большинство контекстов свидетельствует о размытии семантики ругательств подобного рода.

Наконец, одной из интересных отрицательных характеристик оказывается лживость:

МЕССИ. Ну не ври уж.

СЛИВА. Это правда.

Бизяева Е. Март и Слива

Так, призывы не врать и говорить правду часто облекаются в грубую форму:

НАСТЯ. Да иди ты. Дядя Ваня. **Трепло!**

ДВОРНИК. Эх, и почему ты меня так не любишь, Настюх?

НАСТЯ. Потому что у тебя в валенках говно!

Житковский А. Горка

§ 2.1.3. Физиология «материально-телесного низа»

Процент от общего числа контекстов: 13%

Подобно тексту романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», в текстах драматических произведений широко представлен пласт лексики, вербализующей явление, которое М. М. Бахтин обозначил как «материально-телесный низ» (*Бахтин*, 1990).

В первую очередь к этому пласту относятся соматизмы, функционирующие как элементы речевого жанра отсыла. В этом случае название части тела ниже спины сопровождается глаголами хождения:

ВИТАЛИЙ. К тебе. Ну скажи: к тебе, папа. А парня надо пораньше заводить.

ДАША. А не пошли бы вы в жопу, папа?

Крапивина М. Тайм-аут

АМОСОВИЧ. Знаешь, Клёпочка, какое у неё большое сердце? Всех собак, всех кошек уличных – всех кормит. Как мать Тереза Дурова.

ОЛЬГА. Да пошла она в жопу, ваша Дурова! Ненавижу цирк. Издеваются над животными.

Соколов Д. Огонек

Другой жанр, содержащий этот соматизм, – грубое требование. В нём функционирует глагол *засунуть*:

ПАРЕНЬ 1. Такое пиар-агентство прям, туши свет!

ПАРЕНЬ 2. Олег, **пронию свою в жопу себе засунь!** Это серьезный бизнес. Не хочешь работать, не работай, я Мишу с третьего этажа приглашу.

Крапивина М. Тайм-аут

ВАДИК. Света, пошли! **Засунь свою жадность в свою толстую жопу!**

Орлова С. Хочу по правде

Наконец, иные наименования ягодиц редки и используются для вербализации идеи страха перед какой-либо опасностью:

БОБРИК. Отпустило... **Ну, что сжалось очко?**

Костя робко пожал плечами.

БОБРИК. Не ссы, прорвёмся.

КОСТЯ. Угу.

Тюжин Т. Красный молоток

От ядерной части вербализации семантики «материально-телесного низа» перейдём к периферии. В смежной плоскости находятся наименования процессов, связанных с желудочно-кишечным трактом:

ШТАЙНЕКЕ. Что кандидатура на роль командующего всей этой ратью вшивой, освободительной, уже найдена. На ту роль, куда прочили Карцева. То есть, задание рейхсфюрера выполнили совсем другие люди. **А мы с вами прилюдно обделались. И очень жидко.**

Поздняков А. Генерал

В агрессивных высказываниях названия этих процессов используются как протестные реплики по модели *да срать X хотел*:

ВАЛЕНТИН. Вот это сейчас было, Паш, не очень вежливо.

ПАША. Да срать я хотел.

Сидерос Д. Всем кого касается

Кроме того, от двух бранных корней образуются негативные характеристики героев:

МАТЬ СЛИВЫ. Ах ты **засранец!** Как ты мог кого-то избить?

Бизяева Е. Март и Слива

КАТЯ. Ты трус, Димов. Дань им каждый день отстегиваешь.

ТОХА. Это из-за тебя они ее повесили! Если бы ты не лезла...

КАТЯ. Если бы ты не был **сыклом**...

ТОХА. Сама ты **сыкло!**

Огнева М. Воин

В завершение приведём иллюстрации того, как функционируют номинации результатов процессов жизнедеятельности человеческого организма. С одной стороны, это упоминание экскрементов в грубых оценочных высказываниях:

ДЯДЯ ВАНЯ. А чо, за меня пойдешь? Я так-то могу. Я еще теплый мужчичок-то.

НАСТЯ. У тебя в валенках **говно**.

Житковский А. Горка

С другой стороны, это описание лица в неприглядном контексте, когда номинация используется в прямом значении:

САНЯ. Батяня у нас превратился в **фабрику по производству говна**. Лежит целыми днями, ничего не делает, только жрать давай и говно за ним выноси.

Доценко В. Рейс обратно и туда

Наконец, это оскорбительное десемантизированное наименование. Слово используется как негативная характеристика, подобно следующему примеру:

НАСТЯ. Знаешь что? Укуси его, а?! Прямо умоляю. Прямо подойди и откуси ему что-нибудь, **говнюку** этому. Я тебе разрешаю. Озод...

Житковский А. Горка

§ 2.1.4. Зоосемантическая метафора

Процент от общего числа контекстов: 20%

Отмечается, что в европейской культуре существует целый «бестиарий» речевой агрессии: оскорбление – собака, клевета – змея, насмешка – обезьяна, сплетня – сорока (*Щербинина, 2021, 10*). Сопоставление адресата агрессивного речевого акта с животным – типичное средство выражения речевой агрессии:

КОСТЯ. То есть, как в «Брате 2», «сила в правде», кто сильнее, тот и прав?

БОБРИК. А бывает по-другому? **Ты на животных глянь.** У них всё предельно просто.

КОСТЯ. **Но мы же не животные,** мы можем мыслить, размышлять над своими поступками.

БОБРИК. Вот я и говорю, **из-за таких размышляющих амёб, всё к херам и полетело.** Ты думаешь, я о таком мечтал?

Тюжин Т. Красный молоток

В книге святителя Тихона Задонского «Сокровище духовное, от мира собираемое» в главе «Скот» животное и человек сопоставляются в духе православной антропологии: «Какое в скоте и зверях наблюдается злонравие, такое имеется и в человеке, благодатью Божию не возрождённом и не обновлённом» (*Задонский, 2009, 223*).

И зверь, и человек, согласно этому мировидению, – элементы тварного мира, созданного Богом. Тем не менее эти элементы принципиально разводятся и противопоставляются друг другу. В этом смысле интересным представляется наблюдение за лексикой, вербализующей пришедший из православия концепт ‘скот’, то есть, в терминах науки, – зоосемантическую метафору.

Слово наиболее общей семантики, не дифференцирующее животный мир на отдельных представителей разных видов и вербализующее негативное отношение к носителю осуждаемых адресантом качеств, – само название живых существ:

МУЖСКОЙ ГОЛОС-1 (*орет*). На, **тварь**, получай!

Шакурова Ш. За синими туманами

Заметим, что носитель отрицательных качеств может сравниваться с животным вообще:

ЮЛЯ. Чего вы хотите?

КОТ. Ничего она не хочет! **Она бешеная! Просто у бешеных зверей идет пена, а у нее слова!** Надо скорую вызывать!

Шестаков Е. Три плюс кот

Номинация *сука*, в первом значении связанная с животным миром, используется вне зависимости от пола инвектума:

ЭКСТ. Отключился? **Сука**, даже не дослушал! Ну и нахера?

Синяев А. Взломанный

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН. В девушку. Ну, типа влюбился. И, короче, сказал ей. ТОФФИ. И что она?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН. Она **сука** была. Всеми классу растриндела.

Иванов А. Это всё она

Единичны примеры словообразовательных возможностей языка в связи с этим словом:

КАТЯ. Ого! Золотая бита?

ЛИМОН. Зажал ее, **сученыш**.

Огнева М. Воин

Парная номинация *кобель* касается исключительно мужчин и зачастую сопровождается определением *старый*:

ЖАННА (*Амосовичу*). **Кобель ты старый**. Я ещё тебя прикрывала столько лет. (*Ольге*.) Он, мам, с тётей Наташей спал.

Соколов Д. Огонек

В текстах драматургии названия животных используются в агрессивной речи сообразно тем чертам характера и вообще свойствам личности (в том числе и внешним), которые в национальной картине мира с ними ассоциированы:

1. Неуважение, непочтительность, нарушение социальных норм

ГОЛОС СОСЕДКИ (*за сценой*). ...пороть некому, вырастили на свою голову, топчут и топчут, никакого уважения, **свиньи!**

Варденбург Д. Никаких сомнений

2. Вредительство

СЕРГЕЙ. Сквородку принесла! Зачем?! Никто не просил, не звал и не ждал!
И она пришла! Потому что она приходит именно тогда, когда может нанести
самый большой ущерб! Ты не женщина, Вера! Ты **саранча!**

Шестаков Е. Три плюс кот

3. Мелочность, ничтожность

ТИХОН. Ишь ты, не знает он, не понимает, о чём я говорю. Сговорились
с **крысой** этой поганой!

Кочнев С. Шелест могучих крыльев

4. Хитрость, коварство

АМОСОВИЧ (*Ольге*). Ну и **змея** же ты.

Соколов Д. Огонек

Земелечка родная – то всё выдержит, всё выстоит, даже такую **гадину**,
как ты...

Скирда Е. Хеппи энд

5. Глупость, слабоумие

НАСТЯ. Читайте внимательнее. **Олени. И ты олень. И ты тоже олень!**
Тупые. Олени. Дебилы, блядь. Дебилы!

Житковский А. Горка

МАРАТ. Ну слушай, **баклан**. Бульвар Дмитрия Донского, дом 40, квартира
240 (*Отправляет аудиофайл*). <...> Третий кто? Да лох один, как раз сейчас
на паровозе к Москве подъезжает.

Шакурова Ш. За синими туманами

6. Беспринципность, отсутствие твёрдого характера

БОБРИК. **Амёбы** вы бесхребетные.

Тюжин Т. Красный молоток

7. Упрямство, своеобразие

ЛИДА. Я думала, этим летом ремонт начнём, ты зарабатывать будешь,
а фиг тебе – Лидочка! У тебя дочка умная-разумная, только как **баран** –
упёртая. Курва!

ЮЛЯ. А это, потому что у меня фамилия – Баранина.

Скирда Е. Хеппи энд

8. Уродство

АНДРЕЙ. Ну и лицо у тебя сейчас, ты бы видела. Мне всегда казалось, что у тебя слегка **лошадиная челюсть**, но сейчас она у тебя просто как у **мустанга**.

Доценко В. Рейс обратно и туда

9. Неуклюжесть, полнота

ЛЮДА (*говорит сама себе*). Да откроешь ты, старая **корова**.

Крапивина М. Тайм-аут

КАТЯ. А что у тебя с братом?

ТОХА. Ничего.

КАТЯ. Ну правда?

ТОХА. Отвали, **корова. Храброва-корова!**

Огнева М. Воин

В агрессивных репликах появляются отдельные представители фауны, обозначающие предельно негативную характеристику человека. К ним относятся номинации паразитарных организмов, которым уподобляется носитель отрицательных качеств:

СТРЕЛЬНИКОВ. А у нас ведь здесь сплошной комсостав. И не только с кубарями в петлицах, а и со шпалами. Уж среди них-то, подумать, откуда **гниды**.

Поздняков А. Генерал

ШОФЕР. Какой еще матрос?

МАРКОВИЧ. Разложившийся!

КАДЕТ. Революционный!

ШОФЕР. Краснопузый?!

АРИСТАРХ. И красноносый.

ШОФЕР. **Гнида** анархистская! Да и крейсер маленький. Вот если бы линкор «Императрица Мария»...

Сивцев М. Ковчег

ШТАЙНЕКЕ. Что кандидатура на роль командующего всей этой **ратью вшивой**, освободительной, уже найдена.

Поздняков А. Генерал

С другой стороны, весьма распространённые номинации *коза* и *козёл* в собранных контекстах не позволяют соотнести их с каким-либо

конкретными чертами характера. По всей видимости, они позволяют говорящему негативно описать личность, наделённую неприглядными качествами в самых разных ситуациях, будь то соседская ссора, ругань коллег, раздор между сыном и матерью:

ЛИДИЯ АФАНАСЬЕВНА. Что?! Вот и я говорю. У него ремонт круглосуточно. И вот так целодневно! Представляешь! **Козел!** Житья нет, долбит и долбит. То он паркет перестилает, то полки вешает, то выравнивает потолки, это маньяк какой-то.

Крапивина М. Тайм-аут

ДВОРНИК. Вот **коза**. А я тебе горку хотел помочь.
НАСТЯ. Себе помоги, помощничек.

Житковский А. Горка

СЫН (*разговаривает с другом*). И вот она приваливает, слушает через дверь опять. **Коза** тупая, думаю.

Иванов А. Это всё она

§ 2.1.5. Оппозиция «свой – чужой»

Процент от общего числа контекстов: 17%

Многомерность окружающего мира диктует необходимость объяснить его в понятных логических категориях. Так формируется наивная картина мира – неизбежно поляризованная и двухмерная, выражаемая в антиномиях добра и зла, пользы и вреда и др. Невозможно не замечать трансформацию оппозиции «мы – они» в оппозицию «свой – чужие», окрашенную отрицательными характеристиками (*Клушина, 2006, 79*).

В следующих фрагментах представлено противопоставление русского и не-русского, при этом реализация оппозиции «свой – чужой» происходит в виде грубого требования и угрозы, соответственно, – типичных случаев речевой агрессии:

КОММЕНТАТОРЫ ЧИТАЮТ ПО ОЧЕРЕДИ:

пушкин наше все вали из страны

Фомина А. Как Петюнина против всех была

ГАРИК. **Русские! Вы все умрете! Мыотрежем вам головы!**

Огнева М. Воин

Одним из характерных примеров реализации оппозиции «свой – чужой» является дегуманизация. Она может проявляться различными способами:

1. Умаление значимости инвектума

ЛЮДА. «Девушка!» «Как вам не стыдно!» **Да кто ты такой, чтобы стыдить меня? Кто он такой, а, Игорь Иванович?**

Крапивина М. Тайм-аут

2. Обозначений людей как не-людей

ОЛЯ. Идиоты, чо тут скажешь.

НАСТЯ. А чо ты от них хотела? **Люди как с другой планеты прилетели.** Чо хотят, то и творят.

Житковский А. Горка

3. Проведение границы между своим и чужим

КОСТЯ. *(трогает Семёна за нос, стучит его ладонью по груди)*

ПАША. Что это нахрен значит?

СЕМЁН. **Пашечка, это наше, масонское, тебе не понять.**

Сидерос Д. Всем кого касается

Характерным примером дегуманизации может служить следующий монолог офицера СС:

ШТАЙНЕКЕ. Вот потому-то, дорогой Платт, и было принято решение создать этот лагерь. И свозить сюда всех таких... **недозрелых.** Но с перспективой. И наша с вами задача **пустить весь этот мусор в обработку. Чтобы на выходе иметь материал, готовый отдать жизнь во славу великой Германии. С отходами нам, естественно, позволено не считаться.** Главное, чтобы **конечный продукт** был качественный. И не скудный.

Поздняков А. Генерал

В этом фрагменте человек уподобляется неодушевлённым предметам: он незрелый, он мусор, материал, отходы, продукт – нечто, лишённое души, личности, человеческого облика.

По горькому замечанию Т. М. Артишевой, идея врага «находится в наших головах, равно как и в головах политиков разного уровня. Человек – существо слабое. Он много хочет и многого боится. Из-за страха потерять то, что имеет, он становится агрессивным» (Речевая агрессия как свойство информационного пространства, 2011, 129).

Источником образа врага в анализируемых текстах практически всегда является отрицательный полюс в биполярном мире, где есть однозначно своё, родное, благое и чужое, незнакомое, плохое:

КАРЦЕВ. **Но мы-то не Европа.** Уж вам ли это не знать.

ПЛАТТ. А кто же вы? Скифы? Азиаты? Как там писал этот ваш, как его...

КАРЦЕВ. **Мы – русские. Тычь, тычь в карту, рвань немецкая.**

Поздняков А. Генерал

Наиболее распространённой реализацией оппозиции «свой – чужой» в текстах современной русской драмы представляется риторика, затрагивающая еврейский народ и представителей различных народов Азии – от Средней Азии до Китая и Японии.

На примере пьесы М. Сивцева «Ковчег» покажем, как работает бытовой антисемитизм.

По-видимому, основой пренебрежительного и даже ненавистнического отношения к евреям выступает христианский базис европейской культуры. Так, в следующем фрагменте поп-расстрига Аристарх спрашивает еврея Марковича: *Зачем Христа распяли?* Приведём эпизод полностью, чтобы показать, как разговор о недостойном поведении сторожа мгновенно перенаправляется в антисемитское русло:

ХРУСТАЛЕВА. В моей гимназии был один сторож-еврей. За гимназистками подглядывал.

МАРКОВИЧ. Опять евреи крайние?!

ШОФЕР. А кто нас на войну с германцем подбил?

ДОЦЕНТ. Вам прибылей не хватало?

АРИСТАРХ. **Зачем Христа распяли?**

МАРКОВИЧ. Дураки...

Аристарх продолжает использовать сходную риторику и в другом разговоре, где ему не хватает аргументов возразить собеседнику:

АРИСТАРХ. А война с поляками будет?

МАРКОВИЧ. Будет!

АРИСТАРХ. А мы за кого?

МАРКОВИЧ. За американцев!

АРИСТАРХ. А они-то здесь каким боком?

МАРКОВИЧ. Без мыла влезут!

АРИСТАРХ. **Вы всё врете! Даже за Христа не покаялись...**

МАРКОВИЧ. Вот и отстаньте уже! Вам бы только поклоны бить да репу запаривать.

Интересно, что в финале предыдущего фрагмента к реализации оппозиции «свой – чужой» подключается и Маркович, припоминая православному Аристарху предание анафеме Льва Толстого, а затем и отмечает характерную, с его точки зрения, черту русского народа:

АРИСТАРХ. А у вас, Ефим Маркович, совесть, как у Льва Толстого.

МАРКОВИЧ. Толстого не трогайте. **Вот ежели бы ваши графа анафеме не предали, ничего бы не случилось...**

АРИСТАРХ. Но сначала провести диспут. «Апокалипсис и революция».

МАРКОВИЧ. **Русский без философии и в сортир не ходит.** (*Трет бумажку.*)

Одно из средств речевой агрессии – навешивание ярлыков, то есть дискредитация с помощью упрощённой номинации, что неумолимо приводит к упрощению понимания человеческой личности, отводя ей несменяемое место на аксиологической оси координат (*Клушина, 2006, 82–83*).

По словам В. И. Жельвиса, «в психологическом отношении многочисленные ксенофобные обзвания достаточно однообразны: в основе каждого из них лежит нерассуждающая ненависть ко всему культурно-чуждому» (*Жельвис, 2001, 314*).

Одним из типов речевой агрессии является язык вражды. По определению О. С. Коробковой, это любое языковое выражение интолерантности (*Коробкова, 2009, 201*), «языковой поступок»,

способствующий возбуждению разного рода социальной вражды (национальной, религиозной и др.).

Одна группа людей может выражать негативную установку по отношению к другой группе с помощью специфических лексических средств. Их терминологические номинации разнообразны: национальные прозвища, прозвищные этнонимы, этнические клички, экспрессивные этнонимы, пейоративные этнонимы, вторичные этнонимы, ксенэтнонимы, эктронимы, национально-расовые оскорбления, этнические инвективы (Гладилин, 2012; Коробкова, 2009).

Вслед за А. В. Гладиллиным будем использовать термин *этнофолизмы*, который даже своей внутренней формой точно отражает сущность явления (от др.-греч. ἔθνος – племя, род и φαῦλος – дурной, ничтожный). Итак, под этнофолизмом понимается негативно окрашенное наименование представителя другого этноса.

Подчеркнём, что не всегда этнофолизмы мотивированы словом-этнонимом, но противоречия в выборе термина здесь нет: рядовой носитель языка использует этнофолизм как часть наивной картины мира, не структурированной методами науки. Так, в следующем фрагменте представители нацистской Германии названы *гансами*:

КАРЦЕВ. Оттого и война наша посерьезней будет. Мы же с кем прежде всего тут бьемся? Да с самими собой. Со своей слабостью, трусостью. Сомнением. И мы их побеждаем. Уже победили. И что нам после таких врагов какие-то там **Гансы**. Они и боятся-то нас пуце танков, да «Катюш».

Поздняков А. Генерал

Как замечает М. А. Кронгауз, русский язык чрезвычайно богат на оскорбительные номинации, в том числе по отношению к различным национальностям, и «в национальной области совершенно неполиткорректен» (Кронгауз, 2009, 204). Классическими примерами русских этнофолизмов являются слова *жид*, *хач*, *чурка*, *чучмек* и т. п. (Гладилин, 2012).

Этнофолизмы реализуют функцию делигитимизации, состоящую из стадий дегуманизации, негативной характеристики и отвержения – отказа

в праве считаться представителем человеческого рода (там же). Формирование таких номинаций – следование примитивной схеме *если X чужой, то X опасный, нелепый*.

Важно отметить, что язык вражды может быть направлен против любой социальной группы, не только представителей чуждых этносов. Согласно исследованию А. В. Гладилина, поле ненависти проецируется как минимум

- на отношение элиты к простому люду (*быдло, колхоз, совок*);
- на отношение к социальным низам (*алкаши, бичи, бомжи, гопота, нищета*);
- на политическую ориентацию (*либераст, толераст*) [Гладилин, 2012].

По словам О. С. Коробковой, количество этнофолизмов и уровень их интолерантности прямо пропорционален частоте коммуникации с представителями уничижаемых этносов (*Коробкова, 2009, 203*). Эта мысль созвучна замечанию В. И. Жельвиса о национально-специфическом характере этнофолизмов, которые «могут играть роль в создании национального “инвективного портрета”» (*Жельвис, 2001, 325*).

Этнофолизмы, безусловно, негативное явление и характерный пример стигматизации, навешивания на группу ярлыка. Причинами этому служат:

- предельная категоризация;
- компрессия всех негативных стереотипов в одном слове;
- превращение концепта в нечто реально существующее в мире;
- стремление к экономии когнитивных усилий (эксплуатация стереотипа оставляет больше времени для других задач) [Гладилин, 2012].

Наиболее ярким примером, например, антисемитского этнофолизма является презрительная номинация *жид*, часто с определением *пархатый*, прилагательное *жидовский* и глагол *жидиться*:

ГРАФИНЯ. Слышу я вас, слышу. **Жид пархатый!**

Сивцев М. Ковчег

МАРКОВИЧ. Нахватили окраин, вот они и отваливаются.

ШОФЕР. **Жидовский интернационал!**

МАРКОВИЧ. Московская обжорка! Наглый грабеж украинского хлеба!

Сивцев М. Ковчег

ИППОЛИТА. Ещё капельку, но больше не дам. (*Подает*).

ТИХОН. Да ладно тебе. **Жидишься?** (*Съедает ещё немного*). **Для брата жидишься...** (*Валится на бок, затихает*).

Кочнев С. Шелест могучих крыльев

Азиатские народы презрительно именуются *китаёзами, самураями, узкоглазыми*.

ОЛЬГА. Папка-то, представляешь, всё – бросил свою **китаёзу**.

Соколов Д. Огонек

КАРЦЕВ. И какие впечатления, подполковник Акимов?

АКИМОВ. От кого, от **самураев**? Ну так, ничего. Упертые. Хотя и пожиже немца. Холку мы им тогда, конечно, взбили знатно. Оттого-то после в другие края и двинули. Где отпора меньше.

КАРЦЕВ. Выходит, отрезвила взбучка?

АКИМОВ. Отрезвила. Но тут опять же, товарищ генерал, от фрицев всё зависит. Будет им и дальше фортуна, или как. А то ведь, Обрезков прав, могут и обратно лыжи повернуть, друзья **узкоглазые**.

Поздняков А. Генерал

При этом важно отметить, что различие национальностей для агрессора не представляется существенным:

ИВАНОВНА. Более того – люблю. Прости меня, поганку с полянки. **Как же я ошибся с этим китайским дошираком.**

АМОСОВИЧ. **Ажар казашка. Она не китайка.**

Соколов Д. Огонек

Иллюстрацией бытовой национальной розни может быть центральный конфликт пьесы А. Житковского «Горка». Воспитательница детского сада Настя забирает к себе домой таджикского мальчика Озода: за ним вечером не пришли родители. По прибытии домой сожитель Насти Олег именует Озода *черномазым, Маугли, не пойми кто*:

НАСТЯ. Он с Таджикистана, кажется.

ОЛЕГ. Слушай, тебя посадят, ты в курсе? Не в ментовку, так в дурку. Не, нормально, да? Ты ее ждешь, готовишь, нервничаешь. А она взяла и **черномазого** привела! В десять вечера!

НАСТЯ. Как ты сказал?

ОЛЕГ. Как надо, так и сказал.

НАСТЯ. Еще раз так скажешь на этого мальчика.

ОЛЕГ. И что будет? Не, ну а кто он? **Маугли** какой-то.

НАСТЯ. Рот закрыл! Ты сам – Маугли. Штаны надел, говорю. <...>

ОЛЕГ. Ты чо кипишь? Успокойся. Вначале приводит **не пойми кого**, потом кипит.

Когда же за Озодом наконец является его дядя, агрессивную риторику перенимает уже сама Настя, осознавая угрозу расставания с мальчиком, к которому она успела привязаться. Для этого она подбирает номинации *чурка* и *урюк*:

ДЯДЯ ОЗОДА. Открой, сука. Озод тут? Озод!

НАСТЯ. Чо те надо? Чо те надо, **чурка!** Ты кто такой вообще?

Мужчина вламывается в квартиру. Настя падает на пол, встает, пятится назад.

НАСТЯ. Пошел вон, **урюк**. Я тебя кончу сейчас!

НАСТЯ. Он мой! Понял?! Так. Я сейчас ментам позвоню. Сейчас вообще мой парень придет! У него, знаешь, какие руки? Он, знаешь, чо тебе сделает? Нет, вы обалдели, вообще? Он двое суток у меня живет. Да я его в детскую комнату могла сдать. Вы где все есть? **Вы – чурки тупые!** Я кого спрашиваю, где твоя справка? Без справки не пущу!

§ 2.2. Жанровые аспекты речевой агрессии в драме

§ 2.2.1. Оскорбление

Процент от общего числа контекстов: 21%

Оскорблением называется умышленное унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной форме. Оскорбительное высказывание строится по модели *ты – X*, где *X* – оценочное слово с отрицательным значением.

Основным инструментом оскорбления является оценочный сдвиг, который можно описать как расхождение самооощущения человека и его образа в глазах других людей. Кроме того, акт оскорбления включает в себя одну из двух тактик: создание антиобраза (антипортрета) или минимизацию положительных качеств личности (Щербинина, 2021, 59). Отмечено, что если оскорбление имеет целью конфронтацию, то интенция порицающего – раскаяние, признание вины, сожаление о проступке (там же, 183).

Оскорбление может выражаться с помощью

- непристойного наименования (*дурацкий, убогий*);
- зоосемантической метафоры (*козёл, скотина*);
- обвинения в нарушении табу (*вор, взяточник*);
- наименования сниженной лексикой (*морду отъел*) [Жельвис, 2011, 110].

Заметим попутно, что замена имени собеседника на оскорбительное наименование – всегда осознанный риторический приём, выражающий негативное отношение адресанта к адресату (Воронцова, 2006а, 25).

Оскорбительную лексику называют инвективной. Этот вид сквернословия подразделяется на несколько разрядов:

- наименования антиобщественной, социально осуждаемой деятельности (*бандит, жулик, мошенник*) и их эвфемизмы (*женщина лёгкого поведения, интердевочка, путана*);
- наименования с негативной окраской (*враг народа, двурушник, расист*);
- наименования профессий в переносном значении (*мясник, палач*);
- зоосемантическая метафора (*кобель, кобыла, свинья*);
- глаголы негативной оценки (*украсть, ханнуть*);
- наименования, выражающие экспрессивную оценку личности (*гадина*);

– окказиональные каламбуры (*дерьмократы, коммуняки, прихватизация*) [Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ, 1997, 29–30].

Оскорбительные высказывания в драматическом тексте, как правило, содержат только одно оскорбительное слово. Особенно это касается экспрессивных реплик, затрагивающих не только личность адресата оскорбления, но и неприятную для адресанта ситуацию в целом:

ВИТЬКА. Вот гандон, а!

Синяев А. Взломанный

Оскорбление, как и иные жанры речевой агрессии, позволяет агрессору поставить себя выше собеседника. Интересен в этом смысле следующий диалог, в котором герой Слива отмечает, что его одноклассника Месси героиня не посмела бы оскорбить словом *дебил*:

МЕССИ. А вот ответила. Дебил. Ха! Говорил, ничего не надо писать.

СЛИВА. Это потому что мне. А вот тебе бы она так не ответила.

Бизяева Е. Март и Слива

Распространять оскорбление может выражение недовольства какой-либо чертой инвектума, напрямую не связанной с самим оскорблением:

ОЛЬГА. Все москвички – дуры и не умеют готовить.

Стрижевская С. Никто не слышал

Если публичное оскорбление влечёт за собой определённые санкции, то бытовое может быть репликой, брошенной в сердцах:

ОТЕЦ СЛИВЫ. Давай, давай, защищай. Кого вырастила?

МАТЬ СЛИВЫ. Такого же, как ты! **Гад ты, Витя, сволочь последняя!**
(Плачет)

Бизяева Е. Март и Слива

В таком гипержанре речевой агрессии, как ссора, жанровой приметой становится взаимный обмен оскорблениями:

БРАТ. Он сказал, рукожопых не будет учить!

ЭКСТ. А ты? **А ты тогда виложопый**, понял?

БРАТ. Иди сюда, **упырюга!**

Синяев А. Взломанный

Подобные перепалки могут доходить до абсурда, когда объекту агрессии припоминают практически все его «грехи»:

НИНА. Да здравствует мировая революция, товарищи!

ДОЦЕНТ. **Вот так агитаторша.**

ХРУСТАЛЕВА. Заразилась в Совдепии.

МАРКОВИЧ. И меня соблазнить хотела...

АРИСТАРХ. **Падший ангел...**

ШОФЕР. **Ах ты, чекистская подстилка!**

НИНА. Я вас презираю! Вы – обрывки царского режима.

МАРКОВИЧ. А еще курсистка!

ШОФЕР. **Бонапарт в юбке!**

Сивцев М. Ковчег

Наконец, специфической формой защиты от агрессии оказывается формула *сам X*, где *X* – это повтор оскорбительной конструкции:

АРТЕМ. Ты придурок.

САША. **Сам ты придурок.** Скажи, она дает?

АРТЕМ. Тебе точно никто не даст. Идиот.

Блок Н. Фото топлес

ТОХА. Сказал, что я тощий.

КАТЯ. Но ты и правда тощий.

ТОХА. **Сама ты тощая!**

Огнева М. Воин

Аналогом этой конструкции в жанре враждебной оценки являются конструкции с местоимениями *себя* и *себе*:

ДЯДЯ ВАНЯ. Злая ты, Настюха. А я тебе площадку почистить хотел помочь

НАСТЯ. **Себе помоги,** Дядя Ваня. Москвич у него.

Житковский А. Горка

§ 2.2.2. Угроза

Процент от общего числа контекстов: 16%

Под угрозой понимается обещание причинить вред какого-либо рода в случае выполнения или невыполнения какого-либо действия. Угрозу можно рассматривать как «упреждение физической агрессии», своеобразную замену драки словами (Щербинина, 2021, 246).

В самом общем случае угроза строится по формуле *Если ты (не) сделаешь X, то я сделаю Y*, где X – любое действие, а Y – действие, причиняющее вред:

ВАЛЯ. Вы офигели, Владислав Павлович?

ГЛАВВРАЧ. Язык, Коновалова! **А то сейчас и молельную комнату прикрою.**

Бородина П. Исход

В своей крайней форме угроза принимает вид шантажа:

КИРИЛЛ. Ты псих. Тебе надо лечиться. **Если ты не обратишься к психиатру, я расскажу всем, что ты с ней сделал, и тебя отстранят от полетов.**

Доценко В. Рейс обратно и туда

Любопытно, что в драматических текстах обещанное действие может быть и не названо:

ТИХОН. Я пойду. Только ты на тётю Клаву тут мне не гони. **А то я...**

Кочнев С. Шелест могучих крыльев

Иногда действующее лицо теряется в выборе карающего действия, сообщая, что не знает, что может совершить:

АННА (*Toxe*). Боже мой! Ты куришь?

ТОХА. Ничего я не кидал. Это опять они!

АННА. **Антоша, если ты куришь, если ты куришь, то я не знаю, что я сделаю!**

Огнева М. Воин

Размытой семантикой обладают и формульные угрозы. К таким относится, например, обещание *научить любить родину*:

М. В. Вы соображаете, что вы говорите?

ТИХОН. А вы соображаете, куда вы лезете? Крысе этой помогаете? Ну-ну!

Я вас всех тут научу родину любить!

Кочнев С. Шелест могучих крыльев

Ещё одной частотной абстрактной формульной угрозой является обещание *устроить что-либо*:

ИППОЛИТА. Лёша-то сам где?

К. Е. Так вы же, Татьяна Семёновна, его отпустили. На все каникулы.

ИППОЛИТА. А, да, припоминаю. **Ну, ладно, вернётся, я ему устрою новый год!**

Кочнев С. Шелест могучих крыльев

Угроза часто может быть словесным желанием причинить физический вред. Интересно, что особенно характерны подобные угрозы для детских или детско-родительских перепалок.

Возможны реплики, в которых взрослый угрожает ребёнку:

ЛЮДА (*кричит*). Да сделаешь ты потише в конце концов, **или я сейчас разобью твои колонки на хрен все!**

Крапивина М. Тайм-аут

АННА. **Ну, держись, Миня вернется, тебе дома такую трепку задаст!**

Огнева М. Воин

Однако детские выяснения отношений могут быть не менее агрессивными:

КАТЯ. Только без глупостей. Ты пока на испытательном сроке. **Если что – ломаю руку, понял?**

Огнева М. Воин

Паша встаёт и идёт к доске, пишет: «БУДЕШЬ РАСПУСКАТЬ РУКИ, Я ИХ ВЫРВУ, ПОНЯЛ?»

Сидерос Д. Всем кого касается

Наиболее агрессивные высказывания, связанные с угрозой смерти, свойственны мужской коммуникации. Чаще всего они сопровождаются уже случившейся или грядущую физическую агрессию:

ХАЛК. Так за это можно получить.
СЛИВА. Бей. Я не боюсь. Даже если убьешь.
ХАЛК. **А если не убью? А так, инвалидом сделаю?**
СЛИВА. **А если я тебя инвалидом сделаю?**

Бизяева Е. Март и Слива

Расправа может быть подробно описана:

СЕДОВ. Вот я вас предупреждаю, **если что-нибудь пойдет не так, порешу супостата.**

МАСЛОВ. Геблера или прокурора?

СЕДОВ. Обоих... Аккуратно сделаю. И не заметят. И никто не заметит.
Порешу и в лесу утоплю.

ТУЗОВ. Ну, так посадят.

СЕДОВ. Не посадят. Никто не узнает.

Строганов А. Уроборос

В иных случаях герой обходится исключительно угрозой смерти:

БОБРИК. **Урою**, падла!

Тюжин Т. Красный молоток

МУЖСКОЙ ГОЛОС-1. Открой! Падла! Открой! **Убью!** (*Слышны звуки полицейской сирены*).

Шакурова Ш. За синими туманами

С другой стороны, подобные пожелания смерти могут быть лишь воображаемыми:

ПРОДЮСЕР. **Я тебя урою**, подонок! Ты как мог к Леониду Петровичу не поехать? Тебя там ждали три часа! А бабки какие хотели заплатить!

Крапивина М. Тайм-аут

КИРИЛЛ. **Я убью его.**

ЕЛЕНА. Не смей.

Доценко В. Рейс обратно и туда

В детско-родительских отношениях подобные угрозы свойственны уже выросшим детям. Вот так выражает своё отношение к родителям сын-наркоман, пытающийся выселить их из квартиры:

САНЯ. Ну я тебя тогда убью, мать, ты чего? Вы у меня с отцом полжизни отняли, всю теперь хотите забрать? Даю тебе еще день. Убирайся и шмотье свое отсюда выноси.

Доценко В. Рейс обратно и туда

Единичный пример подобной угрозы обнаружен в ситуации, в которой женский персонаж угрожает другой героине, устраивая сцену ревности:

ЕЛЕНА. Ты... гадина. **Я уничтожу тебя!** <...> А теперь пошла вон. Вон, вон, вон из моего дома!

Доценко В. Рейс обратно и туда

Угроза без физической расправы обычно встречается в диалогах, в которых один из говорящих не видит иного способа воздействия на оппонента. В пьесе Е. Бизяевой «Март и Слива» мама ребёнка никак не может уговорить Славу прилежнее учиться в школе:

МАТЬ СЛИВЫ. Ты уроки сделал?

СЛИВА. Слива сделал уроки.

МАТЬ СЛИВЫ. Врешь ведь.

СЛИВА. Слива врал.

МАТЬ СЛИВЫ. **А я вот щас как проверю.** Давай делай быстро.

СЛИВА. Да сделал я все!

СЛИВА. А вы мне репетитора наймите.

МАТЬ СЛИВЫ. **Я тебе сейчас такого репетитора найму!** Взял тетрадь и учи сиди. Потом спрошу.

Наконец, встречаются скрытые угрозы, которые герой произносит в отсутствии объекта угрозы:

ЛЮДА. Я в соцзащите работаю, а не в райсобесе. Нет уже такого слова лет тридцать.

МУЖЧИНА. А мне нравится это слово. Смешно, правда, типа рай и бес в одном флаконе. И как ты можешь с этими бабками целый день... **Я бы их всех передушил постепенно, если бы не посадили, и представлял бы тещу, Зою Сергевну.**

ЛЮДА. Маньяк.

Крапивина М. Тайм-аут

ЗУЛЬФИЯ ФАРИДОВНА. На каждом участке уже идут работы. «Капельки» уже возвели перила. И только пятая группа «Пчелки» как всегда ждет жареного петуха. **И дождется. Дождется!** Все! Работаем. Пошла! Ра-бо-таем!
Житковский А. Горка

Скрытая угроза может быть и своеобразной формой деланой вежливости:

КИРИЛЛ. Света, я не могу сказать девушке «заткнись», но ты поняла, что делать.

Васьковская И., Уткина Д. Бог ездит на велосипеде

Наконец, угроза может быть облечена в настоящую формулу вежливости:

ВЕРА. М-м-м, на заказ... *(Юле)* А он, похоже, вас любит. Ну, или что-то вроде. А вы его любите? Или так, новую койку захотелось побороздить?

ЮЛЯ. Это я ему скажу. На ушко. А вы кушайте. **Буду очень вам благодарна, если подавитесь.**

Вера давится, кашляет. Роняет ложку. Выпучивает глаза. Юля спокойно на нее смотрит. Сергей с открытым ртом смотрит на Веру. Потом на Юлю.

ВЕРА *(сквозь кашель)*. Ве... Ведьма!

Шестаков Е. Три плюс кот

§ 2.2.3. Высмеивание

Процент от общего числа контекстов: 17%

Наибольшей вариативностью обладает такой жанр речевой агрессии, как враждебное высмеивание, реализующийся в форме насмешки или колкости. Под высмеиванием будем понимать обидные шутки, высказанные с интенцией сказать неприятное.

Следует отметить, что высмеивание может сопровождаться ироническим подтекстом, в котором сказанное не совпадает с реальностью:

МАРКОВИЧ. У вас, батюшка, в голове каша!

АРИСТАРХ. А вам бы хотелось пюре? Сахарная голова!

МАРКОВИЧ. Мне бы хотелось... краковской с пивом.

Сивцев М. Ковчег

Насмешка возникает из желания избежать физической агрессии, а не из невозможности её осуществить, как это обстоит с угрозой, проклятием или оскорблением (*Щербинина, 2021, 304*). Тем не менее грубость насмешки всё равно ставит этот жанр в ранг речевой агрессии:

ЖАННА. Отстань! Ты в два клика заведёшь! Это моя была квартира! Моя!

ОЛЬГА. Твои в лесу грибы и шишки. Поняла?

Соколов Д. Огонёк

Чаще всего высмеивание случается спонтанно, чем и обусловлен его разнообразный облик, временами принимающий характер издевательства над агрессивным оппонентом. Так, например, в следующем диалоге героиня Настя не выдерживает нападков своей начальницы Жанны Борисовны и начинает отпускать колкости:

ЖАННА БОРИСОВНА. Слушайте, вы совсем? Я еще работать хочу. Мне еще семь лет до пенсии.

НАСТЯ. **Не доживешь, падла.**

ЖАННА БОРИСОВНА. Чего?

НАСТЯ. **Пенсию, говорю, отменить могут, слышали? По телевизору показывали – новая система расчета, всех пенсионеров сразу уничтожат будут. В азотной кислоте.**

ЖАННА БОРИСОВНА. Вы чего несете?

НАСТЯ. Господи, пусть она не доживет.

ЖАННА БОРИСОВНА. Чего?

НАСТЯ. Ничего, говорю. Спасибо. Хорошего дня!

Житковский А. Горка

Возможно и «заочное» высмеивание, например, в телефонном разговоре:

ЛИДА. На кладбище не ходила ещё? Вот тебе, пора уже... Ага, желчь свою земле отдай... **Земелечка родная – то всё выдержит, всё выстоит, даже такую гадину, как ты...**

Скирда Е. Хеппи энд

Провести границу между шуткой и враждебным высмеиванием порой затруднительно. В некоторых контекстах насмешка может и вовсе быть анекдотичной. Например, в комедийной пьесе Е. Шестакова «Три плюс кот»

муж выясняет отношения со своей бывшей женой и смешивает мифологические сюжеты:

ВЕРА. Ревнуешь? Все еще ревнуешь?

СЕРГЕЙ. Ликую. Все еще ликую. Он же меня спас. **Увел от меня Горгону, которая клевала мне печень. И мозг.**

Шестаков Е. Три плюс кот

В тех эпизодах, в которых агрессивный настрой сходит на нет, высмеивание вновь приобретает более мягкий характер:

ВЕРА. **Какой ты бука. Кака быть таким букой, Сережа.**

СЕРГЕЙ. **Кака быть такой женой.** Поехала отдыхать, привезла итальянские сапоги и армянского мужчину.

Шестаков Е. Три плюс кот

§ 2.2.4. Грубое волеизъявление

Процент от общего числа контекстов: 24%

Речевая агрессия может непосредственно предшествовать физической, однако может являть собой только произнесённое вслух пожелание совершить нечто неприятное. В следующем фрагменте можно видеть характерный для агрессии пример волеизъявления, выраженный с помощью глагола *хотеть*:

КИРИЛЛ. Мне все равно сейчас. **Я хочу взять его за горло. Я хочу увидеть в его глазах страх. Я хочу услышать, как он хрипит, захлебываясь своей кровью. Я хочу снять на телефон момент его смерти и показать ей.** И тогда, может быть, она простит меня.

Доценко В. Рейс обратно и туда

СЕРГЕЙ. Ой, как я рад. Ты исполнила свою мечту. Вышла за кухонный комбайн.

ВЕРА. Хам.

СЕРГЕЙ. Почему хам? Отнюдь. **Хочу послать тебя к этой матери, но ведь держись пока, ты же видишь.**

Шестаков Е. Три плюс кот

Поджанры грубого волеизъявления достаточно разнообразны. К основным относятся отсыл, злопожелание, проклятие, грубое требование и грубый отказ.

Формула отсыла включает в себя глаголы движения *идти* и *пойти*, означающие то действие, которое желаемо субъектом агрессии по отношению к объекту, а также – опционально – упоминание локации, в которую производится отсыл:

ЛИДА. Рот свой, закрой! Рот закрой, поняла? Сама на рынок иди! Вырастила двоечника, а Юлька моя умная! У неё все пятёрки кроме этой хирургии долбаной! **Да пошла ты, Ленка!**

Скирда Е. Хеппи энд

Наиболее невинные жанры отсылают в лес:

ЛИДА. Ой, замолчи, Ленка, доведёшь меня... Ой, рискуешь, Ленка... **Всё, пошла ты, Ленка, лесом!**

Скирда Е. Хеппи энд

ДЕВУШКА. Ещё раз хочу обратиться ко всем анонимным хейтерам. Если вы хотите мне в сотый раз сообщить, что я неудачница.

Видео оборвалось, открылось следующее:

ДЕВУШКА. Или плохая мать, бросила своего ребёнка, а теперь сама за всё расплачиваюсь, **идите лесом**. Если вы реально так считаете, то...

Тюжин Т. Красный молоток

Активно используются и отсылы, в которых место отсыла не упоминается:

– Коля, ты совсем debil?

– **Иди ты на**, я все помню.

Олейников А. Хлебозавод

ВАНЯ. А ну, понятно, школьная любовь не забывается (*заржал*).

КОСТЯ. **Да иди ты**.

Тюжин Т. Красный молоток

Пауза. У Веры текут по лицу слезы. Она резко встает.

ВЕРА (ПЛАЧА). **Да идите вы...** Все...

Шестаков Е. Три плюс кот

Самые грубые отсылы отличаются упоминанием места отсыла. В речи даже одного персонажа может содержаться весь спектр русской инвективы, как это происходит в пьесе Т. Тюжина «Красный молоток»:

БОБРИКА. И за такого долбоящера я под снарядами сидел? Здоровье потерял?

КОСТЯ. Я не просил.

БОБРИК. Не просил он. **А ну пшёл нахрен!** Пшёл нахрен отсюда! (*бросил бутылку в Костю, но тот увернулся*). Пшёл, пшёл, пшёл...

БОБРИК. **Пошли в жопу соседи!** Ааааа, Ааааа, Аааааа (*успокоился*)

БОБРИК. Я ни хрена не буду подписывать. Понял ты? **Вали нахер** (*закричал*) Аааааааааа (*швырнул путёвку*).

Стилистически более грубый глагол *валишь* также используется в поджанре отсыла, однако, как кажется, его использование в агрессивном высказывании практически равноценно глаголу *идти*:

Тоха зло пинает листки.

КАТЯ. **Вали отсюда!** Понял?

Огнева М. Воин

ТОХА. **Сама вали!** Поняла?

КАТЯ. **Это ты вали!** Понял?

ТОХА. А то что?

КАТЯ. А то то!

Огнева М. Воин

Следующий распространённый жанр речевой агрессии – грубое требование. Структурно оно представляет собой побуждение к действию, выраженное в категорической форме:

ЮЛЯ. А вот это я тебе не разрешу. У меня ещё осталось чувство собственного достоинства. И твоего достоинства тоже.

ЛИДА. **Ой, достоинства эти... Малышевой в клизму засунь!**

Скирда Е. Хеппи энд

Интересно, что одним из частотных способов агрессивного воздействия на собеседника является призыв *замолчать*, то есть прекратить

коммуникацию. Вероятно, такая тактика используется в том числе для того, чтобы избежать дальнейшей речевой агрессии:

– Ты, Мякинина, **лучше молчи**. И не дергай волосы!

Олейников А. Хлебозавод

ЛИДА. Ой, **замолчи**, Ленка, доведёшь меня... Ой, рискуешь, Ленка... Всё, пошла ты, Ленка, лесом!

Скирда Е. Хеппи энд

ИГОРЬ ЕВГЕНЬЕВИЧ. Аля...

АЛЯ. **Помолчи**. Я еще не закончила свою поздравительную речь.

Доценко В. Рейс обратно и туда

Вариацией призыва *замолчать* является требование *закрыть рот*:

НАСТЯ. **Закрыл рот!**

Житковский А. Горка

ЛИДА. **Рот свой закрой! Рот закрой**, поняла? Сама на рынок иди! Вырастила двоечника, а Юлька моя умная! У неё все пятёрки кроме этой хирургии долбаной! Да пошла ты, Ленка!

Скирда Е. Хеппи энд

Наиболее экспрессивные призывы прекратить коммуникацию могут быть как ироничными, так и предельно грубыми:

ОЛЬГА. **Клювик закрой, а то сквозняк.**

Соколов Д. Огонек

ОТЕЦ. Так, хлопцы, ей-бо, **хватит визжать, а ты хватит стонать!** Зачем брата травмишь?

БРАТ. Да он меня вилами пырданул!

ЭКСТ. Не пырданул, а пырнул!

БРАТ. Ты че меня еще поправлять будешь? Башкой об стенку распластайся!

Синяев А. Взломанный

С другой стороны, в форме грубого требования может звучать и призыв повторить якобы нерасслышанную агрессивную реплику:

КАТЯ. **Что сказал? Повтори!**

Огнева М. Воин

Сферой, наполненной грубыми требованиями, оказывается коммуникация родителей и детей, причём роль агрессора обычно занимает фигура родителя:

НАСТЯ. **Озод – ботинки снял! Отошел от кастрюли!** Олег, ты бы хоть штаны надел, у нас гости.

Житковский А. Горка

ИГОРЬ. Мам...

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА. **Не мамкай.** Я вообще не знала, что у тебя девушка есть!

Малухина М. Барбетт одевается

КОСТЯ. Белизна одежду портит. Ткань разъедает.

ГОЛОС МАМЫ КОСТИ. **Поучи ещё мать.**

КОСТЯ. Не буду.

ГОЛОС МАМЫ КОСТИ. **Вот и не умничай,** а то сам стирать будешь.

Тюжин Т. Красный молоток

Вторая по частотности использования грубых требований сфера – коммуникация мужчин. В пьесе Т. Тюжина «Красный молоток» выяснение отношений строится исключительно на речевой агрессии:

КОСТЯ. **Встань и иди! Встань и иди, я сказал, сука!**

БОБРИК. **Стой, утырок.**

Злопожелание оказывается самой вариативной разновидностью грубого волеизъявления. Его крайняя форма – проклятие – часто характеризуется как словесное убийство (Щербинина, 2021, 101).

Обычно злопожелание представляет собой глагол в императиве или юссиве:

ЭКСТ. Да, не увидел я свои золотые десять тысяч подписотинцев. В общем, отписанты – **будьте счастливы и горите в аду.**

Синяев А. Взломанный

САНЯ. А в могилу его я все-таки плюнул. Прямо на похоронах. И на портрет плюнул, который ты на его могиле повесила, и в землю. Вернулся, подождал, пока все уйдут подальше, и плюнул. С этой минуты началась моя новая жизнь. **Пусть мой плевок до самого его трупа гнилого дойдет и жечь его там будет. Пусть покувыркается ему на том свете.**

Как и в первом фрагменте пьесы выше, злопожелание часто облекается в ироничную форму:

БОРИСЛАВ. Счастливого вам медового месяца в Испании. Пейте побольше испанского вина. Да, и сводите маму на корриду, пожалуйста. Сядьте как можно ближе. **Пусть увидит всю мерзость этого зрелища. Надеюсь, ее вытошнит.**

Доценко В. Рейс обратно и туда

§ 2.2.5. Враждебная оценка

Процент от общего числа контекстов: 22%

Враждебная оценка может принимать формы враждебных замечаний, возмущения, обвинения и осуждения, упрёка, неодобрения, нотаций, жалобы. В общем виде всё это – замечание, которое содержит негативную характеристику адресата, его позиции или действий.

В драматических текстах особенно частотны оценки не самого собеседника, но его речи, её характеристик. Так, могут быть негативно расценены:

1. Общая эрудиция

КОСЯ. Белизна одежду портит. Ткань разъедает.

ГОЛОС МАМЫ КОСТИ. **Поучи ещё мать.**

КОСЯ. Не буду.

ГОЛОС МАМЫ КОСТИ. Вот и не умничай, а то сам стирать будешь.

Тюжин Т. Красный молоток

2. Языковой вкус

КАРЦЕВ. Охота к перемене мест. Весьма мучительное свойство, немногих добровольный крест.

ПЛАТТ. **Опять вы со своими цитатками.**

Поздняков А. Генерал

3. Отклонения от норм литературного языка

ПЕТЮНИНА (*обращаясь к подруге*). Нет, ты слышала? «Прикрасить». Новое слово в словарь мейкаперов. **Не, ну ты реально сначала говорить научись, а потом уж видео записывай.**

Фомина А. Как Петюнина против всех была

4. Несоблюдение коммуникативных норм

ГЛАЗУНОВА. Ну не у всех же такой папочка, как у Месси.

УЧИТЕЛЬНИЦА. **Отставить клички.**

ГЛАЗУНОВА. У Димы.

Бизяева Е. Март и Слива

5. Коммуникативные сбои

КАТЯ. Нужна помощь?

ЛИМОН. Да, присоединяйся!

КАТЯ. **Я не тебе, придурок!** Димов, помочь тебе?

ТОХА. Отвали!

КАТЯ. Ну как хочешь...

Огнева М. Воин

Как отмечено в § 1.3, русской коллективной языковой личности свойственно выражение возмущения и осуждения – вторжение в коммуникативное пространство.

Возмущение обыкновенно оформляется в виде восклицательных или вопросительных высказываний:

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА. **Всю жизнь ты такие номера выкидываешь, как будто мать до инфаркта довести хочешь! Это нормально вообще мне на третьем месяце сообщить?** И только потому, что ей жить больше негде!

Малухина М. Барбетт одевается

MR.BLOOD. Убей себя.

МАТЬ СЛИВЫ. Ах ты мразь! **Что ты делаешь с моим сыном?!** Я тебя достану, я этого так не оставлю.

Бизяева Е. Март и Слива

Выделяются также конструкции, которые представляют собой серию восклицательных высказываний с повторяющимся дейктическим элементом.

Все они относятся к одному референту, который является объектом речевой агрессии:

МАРИНА. Да! Смешная картиночка! **Ей** весело, понимаешь! Веселится, пока убийца и насильник **ее** дочери гуляет на свободе! Бросила могилу дочери, лежит на пляжу! **Она** успокоилась! А тут смотри, что выложила – икона и молитва! Богу **она** молится! Лежит на пляжу и молится!

Огнева М. За Белым Кроликом

Реплики возмущения, как правило, предполагают доминирование возмущающегося над его собеседником. В связи с этим частотны диалоги родителей и детей, в которых родитель занимает лидирующую роль:

МАТЬ СЛИВЫ. Где? Куда бежать, подскажи уж. А? **Чего молчишь?**
А ну гони телефон!

СЛИВА. Не дам.

МАТЬ СЛИВЫ: Гони, гони, давай. Наказание такое. **Может, хоть что-то поймешь.**

СЛИВА. Не дам я.

МАТЬ СЛИВЫ. **А кто тебя спрашивает!** (*Пытается отнять у Сливы телефон*) **Что, и со мной будешь драться?** (*Изворачивается и отнимает телефон*) Все! Спрячу сейчас! На неделю.

Бизяева Е. Март и Слива

В том случае, когда герою необходимо обвинить собеседника в чём-либо, используется тактика осуждения. Обычно это обвинение в нарушении социальных норм. К наиболее частым причинам осуждения относятся:

1. Ложь

ЯНА. Он написал, что не может меня забыть, любит и просит о встрече.

ОЛЬГА. **Врёшь!**

ЯНА. Это правда.

Стрижевская С. Никто не слышал

2. Скромность, покорность, повиновение

ЖЕНЩИНА ИЗ ЗАЛА. Они обе же в шортиках были! Конечно, на них и набросились! **Одеваться скромнее надо!**

ОЛЯ. Они с дачи ехали! Как им еще одеваться? В паранжу?

ЖЕНЩИНА ИЗ ЗАЛА. **Штаны надо надевать! И не сверкать жопой и сиськами!**

Огнева М. За Белым Кроликом

3. Кошунство

ГЕОРГИЙ. Ах, «не знаю»! **Человек, которого считали покойником, вдруг раз! и нарисовался! и где? на кладбище! И ладно бы на кладбище, а на поминки-то – кто тебя звал?..**

Микшис В. Как дважды два

Осуждение может превращаться в выговор и нотацию – речевые жанры, отличающиеся от наставления агрессивным «зарядом»:

ГОЛОС СОСЕДКИ. **Ты мне правами зубы не заговаривай, умные все, напугали ежа...**

Варденбург Д. Никаких сомнений

Сферой функционирования нотаций в русской культуре часто становится педагогический дискурс. Так, в пьесе Е. Бизяевой «Март и Слива» учительница поучает детей привычным способом: во-первых, использует аргументы вида *надо было*, во-вторых, оформляет свои мысли в снисходительные высказывания, демонстрируя свой статус:

УЧИТЕЛЬНИЦА. **Ну, если возникло желание стать космонавтом, так надо было хотя бы посмотреть, где на космонавтов готовят.**

МЕССИ. А он только что придумал.

СЛИВА. Не правда. Я с детства мечтал. Мечтаю.

ГЛАЗУНОВА. Нам еще три года учиться.

УЧИТЕЛЬНИЦА. А выбрать надо уже сейчас. **Ты что думаешь, пойдешь и прямо вот так сдашь ЕГЭ. Готовиться надо, моя дорогая. Сейчас уже готовиться.**

§ 2.3. Специфика агрессивного текста в драме

О трагическом видении мира драматургом позволяет судить, по словам П. Пави, текстуализация конфликта (Пави, 1991, 162). В связи с этим в этом параграфе рассматриваются родовые особенности драмы, которые в современной русской драматургии оказываются связаны с феноменом речевой агрессии.

§ 2.3.1. Побочный текст

Специфика драматургического текста заключается в том числе в наличии так называемого побочного текста. К нему относятся комментарии к репликам действующих лиц и указание на движения, жесты, мимику, интонации.

Н. А. Николина отмечает, что в современной драматургии ремарки теряют стилистическую нейтральность, в них усиливается личностное начало, и, как следствие, преобладает использование в составе ремарок сниженной лексики (Николина, 2009, 306). Наблюдения, проведённые в ходе настоящего исследования, однако, не позволяют подтвердить это наблюдение. Тем не менее необходимо обратить внимание на тот комментарий к основному тексту, который напрямую связан с функционированием явления речевой агрессии в драматическом тексте.

Речевая агрессия, вызванная эмоциями гнева, отвращения и презрения, в художественном тексте может быть изображена с помощью соответствующих ремарок. Традиционным образом они заключаются в скобки и предшествуют тем высказываниям, которые, согласно замыслу драматурга, полагается произносить определённым образом.

Как правило, среди негативных эмоций особенно выделяются злость и её предельное выражение – ярость:

ПЛАТТ. Мастер интриг! *(Со злостью.)* Дерьмо собачье! Сволочь!

Поздняков А. Генерал

Аня *(Яне)*. Ты посмотри на него. Он псих.

Яна. Сомневаюсь.

Аня в ярости смотрит на Яну.

Варденбург Д. Никаких сомнений

Наиболее часто ремарки, сопровождающие агрессивные реплики, описывают характеристики голоса агрессора, например, повышение тона:

СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА. (*повышая голос*) Они устраивали? То есть это они виноваты во всем, что с ними делали?

Сидерос Д. Всем кого касается

Эмоционально неуравновешенные действующие лица в ситуациях речевой агрессии обычно переходят на крик – частый маркер разговора на повышенных тонах. В пьесе Т. Тюжина «Красный молоток» герой Бобрик регулярно кричит, поэтому перед его репликами возникают ремарки *закричал* и *переходя на крик*:

БОБРИК. А ты давай ещё вломи мне. Давай. Хрен ли инвалиду не вломить?

КОСТЯ. Да пошёл ты!

БОБРИК. Реальная жижа и есть, даже вломить не можешь! (*закричал*) Аааа... ааа... аааа (*спокойно*). За таких вот как ты, у нас сотни пацанов полегло. Ради кого спрашивается?

БОБРИК. Я ни хрена не буду подписывать. Понял ты? Вали нахер (*закричал*) Аааааааааа (*швырнул путёвку*).

БОБРИК (*агрессивно, переходя на крик*). А чё ты знал? Чё ты знал? Чё ты знал? Чё ты знал? Чё ты знал? Чё ты знал? Чё ты знал? Чё ты знал? Чё ты знал? (*шмякнул стакан об пол, тот разлетелся на куски*) ч... ч... ч... ч.. ччч (*замолчал*).

Интересно, что не только крик, но и шёпот может маркировать агрессивную коммуникацию, как, например, в следующем эпизоде, в котором героине необходимо скрыть свою речь от третьего лица:

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА (*яростным шепотом*). Ты сам знаешь, я об этом ребенке мечтала больше всего на свете, но не таким же образом!

Малухина М. Барбетт одевается

Наконец, агрессивная речь может сопровождаться и определёнными жестами, фиксирующими состояние агрессора. В следующем фрагменте героиня раздражена настолько, что её речь описана как рывканье, а в итоге сопровождается ударами в грудь:

ДОРОФЕЯ (*рывает*). Дура!

АНЯ (*добродушно*). Сама ты дура.

ДОРОФЕЯ (*стукая себя в грудь*). Я дура, я!

Варденбург Д. Никаких сомнений

Как уже упоминалось, речевая агрессия зачастую является заместителем физической. Однако вербальное выражение негативных эмоций может сопровождаться физическими действиями, свидетельствующими о неблагоприятной атмосфере диалога или о настоящей физической агрессии:

ОТЕЦ СЛИВЫ. Дай сюда! (*Отнимает телефон*) Говорю, дай сюда. Кто там?

Происходит небольшая драка, Отец отнимает телефон.

Бизяева Е. Март и Слива

МУЖСКОЙ ГОЛОС-1. А ну стой! Падла!

МУЖСКОЙ ГОЛОС-2. Держи его!

ЭЛЬМИРА. Что там?

ШАМИЛЬ. Мочат кого-то в подъезде. Где-то близко.

МУЖСКОЙ ГОЛОС-1. Вот тебе, тварь! Думал не найдем? (*Слышны глухие удары, стон*).

МУЖСКОЙ ГОЛОС-2. Хорош уже!

МУЖСКОЙ ГОЛОС-1 (*входит в раж, удары еще более глухие*). На тебе, на! ИСТОШНЫЙ ЖЕНСКИЙ ВОПЛЬ. Прекратите сейчас же! Я полицию вызову!

Шакурова Ш. За синими туманами

Обыкновенно к таким действиям относятся маркеры, обозначающие резкую смену степени негативной эмоции:

ТИХОН. Перестань выпендриваться. Не порти нам праздник.

ИППОЛИТА. Ага! Это я, значит, выпендриваюсь? Я? А вы тут все такие паиньки, такие бестелесные с крылышками?

ТИХОН (*бросает ложку в салатницу*). Хватит, я сказал! Будешь есть, что дают, как миленькая.

ИППОЛИТА. Ишь ты, командир нашёлся! Чё ты приехал? Кто тебя звал?

Кочнев С. Шелест могучих крыльев

Физические действия могут быть символическими, не представляющими реальной угрозы объекту агрессии:

В соседней квартире включается громкая музыка.

АНДРЕЙ. Заткнитесь там! (*Швыряет в стену подушкой.*)

Доценко В. Рейс обратно и туда

С другой стороны, символическим жестом может быть привычный способ разрешения ситуации с более низким по статусу. Так, в следующем

фрагменте герой Тихон угрожает своей младшей сестре Ипполите брючным ремнём:

ИППОЛИТА. И мне стыдно должно быть?! Быдло!

ТИХОН (*вскакивает*). Ты! Ты! Ты мерзавка! (*Вынимает брючный ремень*).

Щас ты у меня поймешь!

Кочнев С. Шелест могучих крыльев

Отдельные действия приобретают характер своеобразного ритуала:

ГОПНИК 1. Ну нахер, этот гондон голый вообще может на морозе откинется скоро, че подставляться.

Гопник 2 смачно плюет на Игоря, трое исчезают в метели.

Малухина М. Барбетт одевается

В некоторых случаях агрессивное действие маркирует прекращение коммуникации, нежелание продолжать разговор:

Отец уходит, хлопает дверью, Слива хлопает своей дверью, Мать плачет.

Бизяева Е. Март и Слива

Куда более часто в современной драме для изображения речи героев используются не ремарки, а сама речь персонажей. С одной стороны, это могут быть явления экспрессивного синтаксиса, как в следующем фрагменте:

ПЛАТОН. А когда вы вернулись из Парижа, вы пришли к Макс, так? Да, в такой ситуации... «отжать» у друга бизнес...

ФИЛИПП. **Макс. Ничего. У меня. Не «отжимал».**

Микшис В. Как дважды два

С другой стороны, это могут быть лексические маркеры, характеризующие отношение говорящего к речи собеседника. Например, глаголы речи, негативно характеризующие адресата сообщения:

ЖАННА. Вообще капец. (*Ольге*.) И ты ещё будешь что-то **вякать** про бабушкину квартиру.

Соколов Д. Огонек

ПЛАТОН. Как ты Макса «любил», помнишь? Макса, который тебя, «Жоржика», из грязи – в князи! Как же! «Единственный человек, друг» – так ты **трындец**? Так ты ж его предал, Жорж!

Микшис В. Как дважды два

Наконец, это может быть и ироничное отношение к происходящему, фиксируемое ремаркой пародийно:

ПЛАТТ. Щенок, выскочка! (*Пародийно.*) Вы осваиваетесь, старина! Конечно же, ваше законное место!

Поздняков А. Генерал

§ 2.3.2. Драматический конфликт

Художественным конфликтом называют противоречия между действующими лицами, изображёнными в произведении (*Гурьева*, 2009, 136). Под драматическим конфликтом, вслед за Н. Д. Тамарченко, будем понимать столкновение различных жизненных ценностей и принципов, которые воплощаются в поступках и высказываниях действующих лиц (*Поэтика: словарь актуальных терминов*, 2008, 104).

Драматический конфликт проистекает из самой сути драмы – столкновения антагонистических сил. Вспомним, что драматизмом принято называть умонастроение, связанное с напряжённым переживанием каких-то противоречий, с взволнованностью и тревогой (*Введение в литературоведение*, 2004, 137). В конфликте противостоят друг другу персонажи, взгляды на мир или различные позиции – в этом заключается драматическая ситуация, то есть противоречия между идеологиями, будь то этическими, политическими и какими бы то ни было.

П. Пави, составитель «Словаря театра», отмечает, что конфликт в драме определяется не одной только волей драматурга, но зависит от объективных условий описываемой социальной реальности (*Пави*, 1991, 163), поэтому социальная реальность последних лет так или иначе оказывает влияние на изображаемое в тексте драмы и на воплощаемое в ней агрессивное взаимодействие действующих лиц.

Типология драматических ситуаций, определяющая сущность драматических конфликтов, по П. Пави, выглядит следующим образом:

- соперничество двух персонажей по экономическим, любовным, нравственным, политическим и др. причинам;
- конфликт двух мировоззрений, двух непримиримых моралей;
- нравственная борьба между субъективным и объективным, привязанностью и долгом, страстью и рассудком;
- конфликт интересов индивидуума и общества, частные и общие соображения;
- нравственная или метафизическая борьба человека против какого-либо принципа или желание, превосходящее его возможности (там же, 162).

Театральный критик П. Руднев в статье «Темы современной пьесы» (Руднев, 2010) приводит схематичную классификацию тем современной русской драматургии:

- глобализация;
- самоидентификация;
- современный ритм;
- телесность;
- ожидание катастрофы;
- кризис культуры.

По названным выше схемам распределяются конфликты, лежащие в основе современной русской драмы, а также виды речевой агрессии, участвующие в создании образов действующих лиц. Соотнести темы, конфликты и доминирующие виды речевой агрессии позволяет следующая таблица:

Тема	Конфликт	Жанры речевой агрессии
Глобализация	– национальный конфликт на бытовой почве – кризис индивидуальности	– оскорбление – угроза
Самоидентификация	– поиск жизненного пути в условиях давления семьи и общества – конфликт реальной и виртуальной действительности	– высмеивание – враждебная оценка
Современный ритм	– проблема отцов и детей в аспекте новых технологий, различий в мировоззрении	– враждебная оценка – грубое волеизъявление

	– этические конфликты в виртуальной коммуникации	
Телесность	– супружеская измена и неверность в отношениях вообще – проблемы сексуального насилия	– угроза – грубое волеизъявление
Ожидание катастрофы	– конфликт политических настроений перед грядущими (реальными или воображаемыми) потрясениями в общественной жизни	– оскорбление – угроза – враждебная оценка
Кризис культуры	– вынесение частной жизни на всеобщее обозрение, фиксация жизни цифровыми методами вообще	– оскорбление – враждебная оценка

Анализ текстов современной драмы позволяет также выделить две доминирующие тактики поведения во время конфликта. К первой относится эксплуатация иерархии в общении, ко второй – демонстрация нежелания вести или продолжать коммуникацию.

Особого внимания заслуживает реализация в драматическом тексте универсальной для человеческого общения оппозиции «свой – чужой» и её подвида, представляющего собой репрезентацию коммуникативной вертикали, в которой один из собеседников располагается выше другого.

Так, например, это выглядит во внутренней дневниковой речи героя-ребёнка, обращённой к его врагам:

Дюша ко мне подошел, сказал – **вы че ваще обарзели, парни капэпэшные?**
Сидите у себя в части, если такие борзые. **А если хотите ходить нормально в школу, то не борзейте, и про дань забывайте.**

Огнева М. Воин

С другой стороны, оппозиция «свой – чужой» ярко представлена межнациональными конфликтами, как это показано в § 2.1.5. Именно на примере такого агрессивного общения можно продемонстрировать, как речевая агрессия развивает сценическое действие.

В пьесе М. Огневой «Воин» гибель сына главной героини манифестируется одним из представителей чеченского населения посёлка:

ГАРИК. Русские! Вы все умрете! Мы отрежем вам головы!

Пьеса А. Житковского «Горка» описывает конфликт воспитательницы Насти, привязавшейся к ребёнку-таджику Озоду в тот момент, когда его родители забыли забрать его из детского сада, и дяди мальчика, пытающегося вызволить племянника из дома воспитательницы. Национальная составляющая этого конфликта проявляется в следующем фрагменте:

ДЯДЯ ОЗОДА. Открой, сука. Озод тут? Озод!

НАСТЯ. **Чо те надо? Чо те надо, чурка! Ты кто такой вообще?**

Мужчина вламывается в квартиру. Настя падает на пол, встает, пятится назад.

НАСТЯ. **Пошел вон, урюк. Я тебя кончу сейчас!**

В драме А. Позднякова «Генерал» конфликт заключается в противостоянии верного родине генерала Карцева и офицеров СС:

КАРЦЕВ. Но мы-то не Европа. Уж вам ли это не знать.

ПЛАТТ. **А кто же вы? Скифы? Азиаты? Как там писал этот ваш, как его...**

КАРЦЕВ. **Мы – русские. Тычь, тычь в карту, рвань немецкая.**

Реализация иерархических отношений может носить и скрытый характер. Это происходит тогда, когда агрессор пытается иронически спрятать свои недоброжелательные эмоции:

ИГОРЬ. Мам, ну кому ты мультиварку пользованную подаришь? Места много, пусть постоит.

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА. **А, ну спасибо, что разрешил!**

ИГОРЬ. Мам, ну давай не будем спорить.

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА. **Да кто же с тобой спорит, боже упаси!**

Малухина М. Барбетт одевается

Отмечено, что не все конфликты проявляются в наглядной форме словесной дуэли или словесной борьбы с аргументами и контраргументами (Пави, 1991, 162), однако для современной драмы зачастую характерен именно такой способ развёртывания сюжета, подобный древнегреческой стихомифии – быстрой смене брошенных реплик с перебиванием друг друга:

ОЛЕГ. Насть, что с кино?

НАСТЯ. В жопу кино.

ОЛЕГ. Чего без настроения?
НАСТЯ. Потому что.
ОЛЕГ. Давай завтра посмотрим?
НАСТЯ. Посмотрим.
ОЛЕГ. Слушай, ты расслабься, а?
НАСТЯ. Уже.

Житковский А. Горка

Как представляется, наиболее ярко речевая агрессия проявляет себя в жанре коммуникативного саботажа. Такую тактику герои избирают обычно для прекращения коммуникации:

ГУЗЕЛЬ. Ты невыносимый просто.
СЕМЁН. Рад стараться.

Сидерос Д. Всем кого касается

Саботаж может быть использован и для самозащиты в условиях агрессивной коммуникации:

ТОХА. Ну и дура.
КАТЯ. Спасибо.

Огнева М. Воин

Таким образом, речевая агрессия оказывается не только художественным приёмом, используемым для раскрытия образа действующих лиц, но и продуктивным способом изобразить конфликт и продвинуть сюжет.

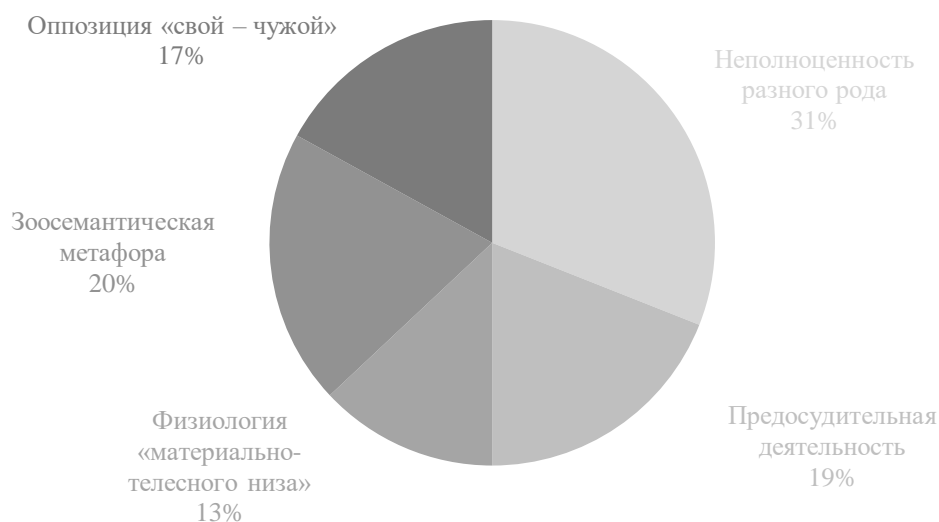
Выводы по главе 2

1. Репертуар агрессивных лексических единиц чрезвычайно объёмен и составляет особый лексико-стилистический инвентарь, функционирующий по принципу тематических групп – крупных лексических объединений одной сферы действительности. Сообразно структуре значения лексемы агрессивность единиц этого инвентаря может проявляться как в самом значении, так и в коннотативных семах.

Самые продолжительные ряды экспрессивных единиц агрессивного характера в современной русской драме составляют следующие тематические

группы: лексика, вербализующая явления неполноценности, предосудительной деятельности, «материально-телесного низа», а также оформляющая сравнение человека с животным и оппозицию «свой – чужой» в аспекте расы, нации, рода деятельности и других параметров.

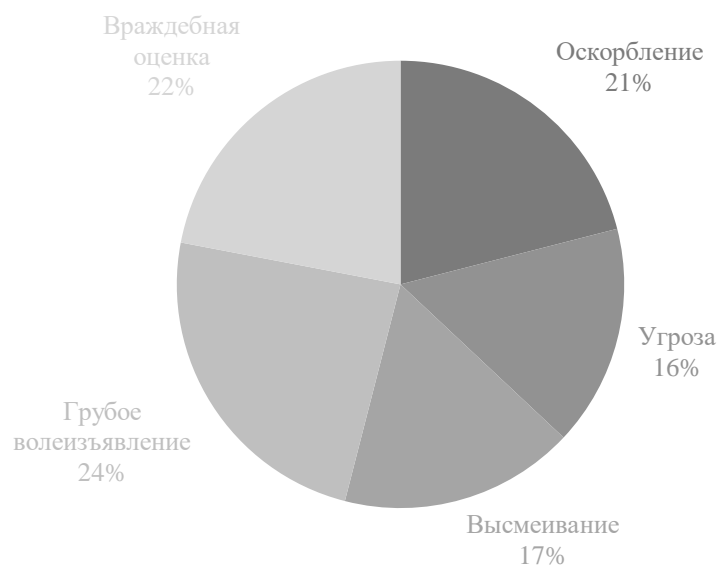
Количественные данные по этим тематическим группам отражает следующая диаграмма:

2. Организация речи в специфические жанры свойственна в том числе и агрессивной коммуникации. Каждый такой жанр помогает драматургу создать образ героя, подверженного сильным эмоциям стресса, а также гнева, отвращения и презрения.

Конфликтотенное пространство современной русской драмы наполнено наиболее безобидными иронией, насмешками и ёрничеством, то есть высмеиванием, а также более агрессивными жанрами оскорбления, угрозы, грубого волеизъявления и враждебной оценки. Действующие лица в пьесах современных драматургов могут использовать в речи весь жанровый репертуар русской речи в аспекте речевой агрессии.

Процентное же соотношение жанров речевой агрессии в современной русской драме выглядит следующим образом:

3. Речевая агрессия в драматическом тексте помогает драматургу создать коммуникативный портрет действующего лица, что проявляется в том числе в выборе ремарок и указаний на сценические действия, а драматический конфликт оказывается сопряжён с явлением агрессии: репертуар конфликтов определённым образом соотносится с жанровой типологией агрессивной коммуникации.

Заключение

Несмотря на то, что зачастую главной чертой современного театра называют «фантастическое разнообразие»: «театром является вообще всё, что себя таковым определяет» (Вилисов, 2020, 10), необходимо отметить, что в языковом отношении современная драматургия наследует традициям драмы предыдущих эпох.

В ходе любого конфликта, в том числе и драматического, одна сторона активно совершает речевые действия, которые могут проявляться в форме речевой агрессии. Другая сторона определённым образом реагирует на это, предпринимая ответные речевые действия.

На материале пьес современной русской драматургии был продемонстрирован лавинообразный характер перебранок, возникающих внутри семейного, соседского, дружеского, профессионального круга. Коммуникация действующих лиц в драме оказывается пространством, предельно наполненным всем спектром жанров речевой агрессии, включающим оскорбления и угрозы, грубые требования и запреты, упрёки и обвинения.

Ссоры в драме развиваются по сходному сценарию, в котором за взаимными оскорблениями начинают прослеживаться нравственные ориентиры героев, не позволяющие выстраивать эффективную и лишённую агрессии коммуникацию. Конфликтная коммуникация возникает практически в любой сфере общения, будь то соседский или дружеский разговор, разговор матери и дочери, разговор на бытовую тему или беседа о возвышенных материях вроде любви и ненависти.

Речевая агрессия, таким образом, отражает ментально-ценностное состояние участников бытового конфликта, помогая драматургу изобразить реалистичный моральный облик действующих лиц, не готовых к здоровым и мирным отношениям, а также выразить в художественных образах стереотипные модели общения и эмоциональный дух своего времени.

Агрессия, как показывает настоящее исследование, тесно связана, во-первых, со сферой быта и маргинальной атмосферой, а во-вторых, часто бывает неразрывна с агрессией физической. Речевая агрессия в современной драме действительно оказывается значимым изобразительным средством, а все её частные разновидности представлены маркерами речевой агрессии и распределяются по системе жанров.

К наиболее частотным средствам выражения речевой агрессии относятся указание адресату на неполноценность разного рода, обвинение его в предосудительной деятельности, использование лексем, связанных с «материально-телесным низом», а также зоосемантическая метафора.

Компонентный и контекстуальный анализ отобранных единиц позволил определить не только распространённые средства выражения речевой агрессии, но и речевые жанры, которые оформляют агрессивное высказывание, причём к наиболее распространённым из них относятся грубое волеизъявление, враждебная оценка и оскорбление.

Отдельно следует отметить, что ведущим принципом в конфликтном общении выступает ярко выраженная оппозиция «свой – чужой», позволяющая дегуманизировать оппонента и приписать ему черты, свойственные маргинальным группам и находящиеся на отрицательной части шкалы человеческих ценностей.

Количественные данные позволили сделать выводы о распространённости явления речевой агрессии в современной русской драме, а также об актуальности пластов лексики, оформляющих агрессивное высказывание, и агрессогенных речевых жанров.

Речевая агрессия в результате действительно оказывается сильным средством выразительности, которое используется автором с целью создания реалистичной художественной действительности, в которой агрессия естественна, а коммуникация отражает в том числе грубость и жестокость человеческих нравов.

В проанализированных текстах речевая агрессия часто представлена в ситуациях развития драматического конфликта и является элементом развития сценического действия. Предельно агрессивная коммуникация помогает изобразить противоречия в жизненных позициях действующих лиц и их мир – языковое и ментальное пространство, полное непонимания и враждебности.

Собранный материал и полученные результаты анализа дополняют представления о речевой агрессии образом русскоязычной языковой личности, для которой характерны агрессивные коммуникативные тактики. Таким образом, в ходе исследования подтвердилась гипотеза о речевой агрессии как параметре коммуникативного портрета личности, то есть способе характеристики действующего лица в аспекте его речевой индивидуальности.

Новизна настоящего исследования определяется обращением к недостаточно изученной сфере бытования речевой агрессии – художественному тексту, а также намеченными чертами речевого портрета участников агрессивной коммуникации, проявляющих негативное отношение практически к любым сферам действительности с помощью изошрённых средств выражения речевой агрессии.

Материал исследования позволяет в перспективе расширить лексикографические представления о речевой агрессии, дополнив существующие издания живым материалом актуальной эпохи, изучить распределение лексики по шкале инвективности, а также может быть использован лингвистами-экспертами как часть базы инвективного фонда русского языка.

Театр позволяет включить определённую оптику восприятия мира. Вот как об этом говорит П. Брук: «Нет сомнения, что театр занимает в жизни особое, ему одному принадлежащее место. Он как увеличительное стекло и одновременно как уменьшительная линза. Это маленький мир» (цит. по

Эрикеш, 2018, 75). Настоящее исследование дополняет коллективный портрет русской языковой личности штрихами её агрессивной ипостаси и, подобно театру, высвечивает те черты, которые отражают дух нашего времени.

Литература

Книги

1. Агрессия в языке и речи / Под ред. И. А. Шаронова. М.: РГГУ, 2004. 288 с.
2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
3. *Белянин В. П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Издательство Московского университета, 1988. 121 с.
4. *Богданов В. В.* Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты. Л.: ЛГУ, 1990. 88 с.
5. *Васильев А. Д.* Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления М.: Флинта : Наука, 2003. 224 с.
6. Введение в литературоведение / Под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004. 679 с.
7. *Вилисов В.* Нас всех тошнит. Как театр стал современным, а мы этого не заметили. М.: АСТ, 2020. 317 с.
8. *Голованева М. А.* Коммуникативно-когнитивное пространство драмы (на материале русских пьес 1980–2000 годов). Астрахань: Астраханский университет, 2011. 254 с.
9. *Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В.* Агрессия в обыденной жизни. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 493 с.
10. *Жельвис В. И.* Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 2001. 349 с.
11. *Жельвис В. И.* Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль: ЯрГУ, 1990. 157 с.
12. *Задонский Т., святитель.* Сокровище духовное, от мира собираемое. Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, 2000. 642 с.
13. *Изард К.* Эмоции человека. М.: Издательство МГУ, 1980. 464 с.

14. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010, 264 с.
15. *Клушина Н. И.* Образ врага о военной риторике в мирное время // Русская речь. 2006. № 5. С. 79–87.
16. *Клушина Н. И.* Стилистика публицистического текста. М.: Медиа-Мир, 2008. 242 с.
17. *Клушина Н. И.* Этические аспекты массовой коммуникации // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 59–66.
18. *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Современная языковая ситуация и речевая культура. М.: Флинта : Наука, 2012. 184 с.
19. *Комалова Л. Р.* Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии. М.: Спутник+, 2020. 274 с.
20. *Комалова Л. Р.* Язык и речевая агрессия: аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2015. 74 с.
21. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. СПб.: Златоуст, 1999. 447 с.
22. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак : Языки славянских культур, 2009. 232 с.
23. *Куссе Х.* Агрессия и аргументация. Винница: Издательство ФОП Кушнир Ю. В., 2019. 300 с.
24. *Левонтина И.* О чём речь. М.: АСТ : Corpus, 2015. 506 с.
25. *Левонтина И.* Русский со словарём. М.: АСТ : Corpus, 2016. 464 с.
26. *Лоренц К.* Агрессия (так называемое зло). М.: Римис, 2009. 352 с.
27. *Макрова М. Н.* Живой язык драмы. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2011. 117 с.
28. *Николина Н. А.* Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М.: ИТДГК «Гнозис», 2009. 336 с.
29. *Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В.* Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта : Наука, 2011. 155 с.

30. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приёмы описания). М.: URSS, Книжный дом «Либроком», 2011. 172 с.
31. Речевая агрессия как свойство информационного пространства / Под ред. М. В. Загидуллиной. Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2011. 211 с.
32. Риторика / Под общ. ред. В. Д. Черняк. М.: Издательство Юрайт, 2015. 430 с.
33. *Сапольски Р.* Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М.: ООО «Альпина нон-фикшн», 2019. 766 с.
34. *Стернин И. А.* Коммуникативное поведение. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Гарант, 2000. 52 с.
35. *Хализев В. Е.* Драма как род литературы (Поэтика, генезис, функционирование). М.: Издательство МГУ, 1986. 259 с.
36. *Черкасова М. Н.* Речевые формы агрессии в текстах СМИ. Ростов н/Д: Ростовский государственный университет путей сообщения, 2011. 122 с.
37. *Черняк М. А.* Отечественная проза XXI века: предварительные итоги первого десятилетия. СПб.; М.: САГА : ФОРУМ, 2009. 175 с.
38. *Щербинина Ю. В.* Вербальная агрессия. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 360 с.
39. *Щербинина Ю. В.* Злоречие: Иллюстрированная история. М.: Неолит, 2021. 624 с.

Авторефераты диссертаций

40. *Анисимова А. Т.* Лингвистические проекция конфликта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 23 с.

41. *Власова Е. В.* Речевая агрессия в печатных СМИ: На материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 24 с.

42. *Воронцова Т. А.* Речевая агрессия: Коммуникативно-дискурсивный подход: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Челябинск, 2006. 43 с. (*Воронцова, 2006а*).

43. *Ван В.* Семейная ссора как лингвокультурный феномен в русской речевой практике: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018. 24 с.

44. *Евстафьева А. В.* Язык вражды в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 24 с.

45. *Жданович М. А.* Лингвистические средства создания образа персонажа в художественном диалоге (на материале современной англоязычной прозы и драматургии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 22 с.

46. *Закоян Л. М.* Выражение агрессии в современном русском и английском языках: на материале американского национального варианта английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.

47. *Карякин А. В.* Стратегемно-тактические способы реализации речевой агрессии в политическом дискурсе: на материале немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 19 с.

48. *Комалова Л. Р.* Типология мультилингвальной вербализации эмоционального состояния «агрессия»: на материале разносистемных данных корпусной лингвистики: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2016. 52 с.

49. *Лазебная И. Б.* Особенности выражения речевой агрессии в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2007. 22 с.

50. *Ларионова А. С.* Лексико-семантические и стилистические способы выражения агрессии в художественном тексте: на материале художественных

произведений английских и русских писателей XIX–XX веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 25 с.

51. *Мартынова И. А.* Функционально-прагматическое поле менасивных речевых актов: На материале современной англоязычной художественной литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 17 с.

52. *Месропян Л. М.* Речевое агрессивное манипулирование в юрислингвистическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2014. 25 с.

53. *Паремузашвили Э. Э.* Речевая агрессия в непрямой коммуникации: на материале русской классической и современной литературы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 24 с.

54. *Покровская Я. А.* Отражение в языке агрессивных состояний человека (на материале англо- и русскоязычной художественной прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 24 с.

55. *Садикова В. А.* Специфика композиции и языка драматического произведения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1993. 16 с.

56. *Сайдумова К. Н.* Речевая агрессия в дагестанских русскоязычных СМИ: функционально-стилевой и деривационный аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2016. 19 с.

57. *Хруненкова А. В.* Интолерантные формы речевого общения в дискурсе современной драматургии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2010. 22 с.

58. *Шишко М. В.* Вербальная характеристика агрессии личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.

59. *Щербинина Ю. В.* Вербальная агрессия в школьной речевой среде: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 16 с.

60. *Якимова Н. С.* Средства выражения вербальной агрессии в контексте экспериментального изучения лингвокультур: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 22 с.

61. Яковлева Ю. В. Речевая агрессия в полемических материалах советских литературно-художественных изданий 1917–1932 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 36 с.

Статьи

62. Анохина В. С. Речевые аспекты семейного конфликта // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2008. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevye-aspekty-semeynogo-konflikta> (дата обращения: 25.05.2021).

63. Апресян В. Ю. ИмPLICITная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Третья Международная конференция «Диалог 2003». URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2604/apresian.pdf> (дата обращения: 25.05.2021).

64. Багдасарян А. Г. Лингвокультурологические особенности драмы // Филологический аспект. 2018. № 11 (43). С. 113–124.

65. Багдасарян О. Ю. Современная драматургия: «Затянувшийся всплеск» // Филологический класс. 2009. № 22. С. 72–75.

66. Байдикова Е. Л. Прагматические условия реализации агрессивной функции вопросительных предложений // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2012. № 3. С. 47–53.

67. Бакиев А. Г. Природа вербальной агрессии // Вестник Башкирского университета. 2013. № 1. С. 162–165.

68. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.

69. Басовская Е. Н. Творцы чёрно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. Новосибирск, 2004. Вып. 7. С. 257–263.

70. Бодрова А. А., Коробова Н. В. Коммуникативные стратегии разрешения конфликта (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 8. С. 15–18.

71. Борисова Д. Д. Функционально-стилевая характеристика языка драмы // Вояджер: мир и человек. 2016. № 6. С. 136–139.

72. Ван В. Застарелая семейная ссора: опыт коммуникативно-прагматического анализа // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. № 2 (19). С. 19–23.

73. Волкова О. С. Коммуникативная провокация как стратегия деструктивного поведения в бытовом конфликте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. № 5. 2014. С. 49–55.

74. Волкова Я. А. Типология ситуаций агрессивного общения в художественном тексте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2009. Вып. 2. Филология. С. 73–77.

75. Волкова Я. А. Приёмы коммуникативного садизма в деструктивном общении // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов. 2012. URL: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2012/ja_a_volkova_priemy_kommunikativnogo_sadizma_v_destruktivnom_obshhenii/10-1-0-284 (дата обращения: 25.05.2021).

76. Волкова Я. А. Вербализация скрытой агрессии в художественной коммуникации // Грани познания. 2015. № 1 (35). С. 86–90.

77. Волкова Я. А. Репрезентация пантомимических компонентов деструктивного общения в художественном тексте // Язык. Текст. Дискурс. 2014. № 12-2. С. 30–36.

78. Волкова Я. А. Концептуализация ненависти в русском языковом сознании // Вестник ИГЛУ. 2011. № 4 (16). С. 24–31.

79. Волкова Я. А. Феномен хамства в деструктивном общении // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2013. № 4. С. 215–221.

80. *Воронцова Т. А., Копылова Т. Р.* Молчание как маркер агрессивного речевого поведения (на материале бытового общения) // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 29–33.

81. *Воронцова Т. А.* Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 83–86. (*Воронцова, 2006б*).

82. *Воронцова Т. А.* Формирование объектов речевой агрессии в коллективном когнитивном пространстве // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). С. 69–73.

83. *Гладилин А. В.* «Язык вражды» как коммуникация // Современные исследования социальных. 2012. № 11 (19). URL: https://www.academia.edu/4716457/%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA_%D0%B2%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D1%8B_%D0%BA%D0%B0%D0%BA_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%93%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%BD (дата обращения: 25.05.2021).

84. *Голев Н. Д.* Общие проблемы взаимодействия естественного и юридического языка, лингвистики и юриспруденции // Юрислингвистика–2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 8–40.

85. *Голованева М. А.* К вопросу о текстообразующей роли метафоры в драме «новой волны» конца 1980-х – начала 1990-х годов (на материале пьесы А. Галина «Звёзды на утреннем небе») // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3. Ч. 3. С. 56–58.

86. *Гукетлова Ф. Н.* Образная основа внутренней формы зооморфизмов как смысловозначительный фактор мировидения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 2. С. 121–125.

87. *Гуськова С. В.* Речевая агрессия: способы выражения в региональной прессе // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1. С. 156–165.

88. *Иванова З. М.* Языковая агрессия в произведениях Э. Лимонова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск-Ачинск: Издательство Красноярского государственного университета, 1997. Вып. 4. С. 34–35.

89. *Колмакова В. В., Шалков Д. Ю.* Проблема установления границ языкового оскорбления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12. Ч. 1. С. 111–113.

90. *Комалова Л. Р.* Жанры агрессивного речевого поведения // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых учёных». 2017. С. 139–153.

91. *Коробкова О. С.* Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 200–205.

92. *Королёва В. В.* Конфронтационные коммуникативные стратегии в драматургическом диалоге // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 1 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfrontatsionnye-kommunikativnye-strategii-v-dramaturgicheskom-dialoge> (дата обращения: 25.05.2021).

93. *Коряковцев А. В., Головачева О. В.* К проблеме инвективного функционирования языка и лексикографического описания русской инвективной лексики // Юрислингвистика–5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул, 2004. С. 216–225.

94. *Кубрякова Е. С., Петрова Н. Ю.* Лингвокультурологический статус драмы (новое в изучении языка пьес) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 64–73.

95. *Кузнецова Н. В.* Мы такие разные... И всё-таки мы вместе! // Мир русского слова. 2013. № 1. С. 108–109.

96. *Кулаков А. Е.* Междометные инвективы и общие проблемы инвектологии // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdometnye-invektivy-i-obschie-problemy-invektologii> (дата обращения: 25.05.2021).

97. *Курочкина А. В.* Особенности «новой драмы» в контексте современной отечественной драматургии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. № 1-1. С. 83–86.

98. *Курьянович А. В.* Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестник ТГПУ. 2005. № 3. С. 106–112.

99. *Леонтьева Т. И.* Лингвопрагматический анализ инвективной коммуникации в русской и британской драматургии // Территория новых возможностей. 2017. № 2 (37). С. 215–227.

100. *Липовецкий М.* Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых. НЛО. 2005. № 73. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73/li27-pr.html> (дата обращения: 25.05.2021).

101. *Лопаткина Р. С.* Проблема речевой агрессии в коммуникативной практике современного российского общества // Проблемы современной аграрной науки: материалы международной заочной научной конференции, Красноярск, 15 октября 2016 года. 2016. С. 211–212.

102. *Маслов А. С.* Использование индекса инвективности при характеристике зоометафор в современном русском языке // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2013. № 13 (156). С. 51–58.

103. *Мокиенко В. М.* Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. 1994. № 1/2. URL: <http://philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm> (дата обращения: 25.05.2021).

104. *Палий Т. П., Потеряхина И. Н.* Лингвистическая реконструкция конфликта в медиа-дискурсе // Университетские чтения – 2018: Материалы научно-методических чтений Пятигорского государственного университета, Пятигорск, 11–12 января 2018 года. 2018. С. 52–56.

105. *Покровская Я. А.* Мимика гнева и её вербальное отображение в текстах художественных произведений (на материале английского и русского языков) // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов, 1998. С. 110–116.

106. *Попова А. А.* Основные научные подходы к исследованию феномена агрессии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 2 (158). С. 208–213.

107. *Радченко О. А.* Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 1 (3). С. 60–66.

108. *Репина Е. А.* Агрессивный текст как тип текста. 2000. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=102> (дата обращения: 25.05.2021).

109. *Рикёр П.* Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 31–34.

110. *Романова Е. В.* Речевые ситуации с семантикой невежливости (на материале немецкого языка) // Научный Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2006. № 6. С. 64–78.

111. *Рубцова А. С.* Речевое поведение личности в экстремальной ситуации (на материале англоязычной художественной литературы) // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. 2012. № 2. С. 64–69.

112. *Руднев П.* Темы современной пьесы // Петербургский театральный журнал. 2010. Июль. URL: <http://ptj.spb.ru/archive/61/slovarnyi-zapas-61/temy-sovremennoj-pesy/> (дата обращения: 25.05.2021).

113. *Саженина Я. Х.* Политика модерации в условиях конфликтного речевого взаимодействия // Лингвокультурология. 2015. № 9. С. 197–208.
114. *Седов К. Ф.* Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С. 298–312.
115. *Семенец О. П.* Вербальная агрессия и способы речевого противодействия // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2021. № 199. 125–134.
116. *Сербина Т. Г.* Лексические средства выражения агрессии в социально-политическом дискурсе СМИ // Науковий вісник Південноукраїнського державного педагогічного університету ім. К. Д. Ушинського. Лінгвістичні науки. 2011. № 13. С. 327–333.
117. *Сидорова Е. Ю.* Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 28–31.
118. *Стернин И. А.* Социальные факторы и развитие современного русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж, 2000. С. 4–16. URL: <http://philology.ru/linguistics2/sternin-00.htm> (дата обращения: 25.05.2021).
119. *Угаров М.* Красота погубит мир! Манифест «Новой драмы» // Искусство кино. 2004. № 2. URL: <http://kinoart.ru/archive/2004/02/n2-article15>. (дата обращения: 25.05.2021).
120. *Федюнина Е. С.* Языковые особенности агрессивных текстов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 98–100.
121. *Ходус В. П.* К вопросу о «молчании» в драме // Инновационные технологии в науке и образовании. 2015. № 3 (3). С. 263–264.
122. *Хруненкова А. В.* Интолерантное речевое общение: выражение просьбы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 102. С. 309–315.
123. *Черкасова М. Н.* Амбивалентность как свойство речевой агрессии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия:

Гуманитарные науки. 2011. № 18 (113). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ambivalentnost-kak-svoystvo-rechevoy-agressii> (дата обращения: 25.05.2021).

124. *Черкасова М. Н.* Грамматические маркеры русских речевых форм с агрессивной семантикой (на примере текстов СМИ) // Мир русского слова. 2010. № 4. С. 42–47.

125. *Шарифуллин Б. Я.* Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // Юрислингвистика–5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул, 2004. С. 120–131.

126. *Шейгал Е. И., Дешевова В. В.* Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34. С. 145–148.

127. *Якимова Н. С.* Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1 (45). URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/yakimova-11.htm> (дата обращения: 25.05.2021).

128. *Яшенева А. С.* Психолингвистические признаки агрессивной речи // Наука и образование сегодня. 2017. № 8 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskie-priznaki-agressivnoy-rechi> (дата обращения: 25.05.2021).

Словари

129. *Гурьева Т. Н.* Новый литературный словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2009, 364 с.

130. *Кузнецов С. А.* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: НОРИНТ, 2000. 1536 с.

131. Культура русской речи: энциклопедический-словарь справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта : Наука, 2003. 837 с.
132. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
133. *Пави П.* Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. 504 с.
134. *Потапова Р. К., Комалова Л. Р.* Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: Тематический толковый словарь. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН, 2015. 146 с.
135. *Потапова Р. К., Комалова Л. Р.* Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: Тематический толковый словарь. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН, 2017. 124 с.
136. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
137. Русский язык и культура речи. Практикум. Словарь / Под общ. ред. В. Д. Черняк. М.: Издательство Юрайт, 2012. 525 с.
138. Русский язык. Школьный энциклопедический словарь / Под ред. С. В. Друговейко-Должанской, Д. Н. Чердакова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. 584 с.
139. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
140. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта : Наука, 2011. 696 с.
141. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ, 1935–1940.
142. *Черняк В. Д., Черняк М. А.* Массовая литература в понятиях и терминах: учебный словарь-справочник. М.: ФЛИНТА : Наука, 2016. 192 с.
143. *Энрикеш Р.* Театр: театральный словарь с историями и заданиями / Под ред. К. Лариной. М.: Самокат, 2018. 75 с.

144. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. 696 с. (ЛЭС).

Тексты

145. Современная драматургия. 2018. № 1. 258 с. URL: <https://rucont.ru/efd/606119> (дата обращения: 25.05.2021).

146. Современная драматургия. 2018. № 2. 286 с. URL: <https://rucont.ru/efd/606120> (дата обращения: 25.05.2021).

147. Современная драматургия. 2018. № 3. 259 с. URL: <https://rucont.ru/efd/606121> (дата обращения: 25.05.2021).

148. Современная драматургия. 2018. № 4. 265 с. URL: <https://rucont.ru/efd/606122> (дата обращения: 25.05.2021).

149. Современная драматургия. 2019. № 1. 272 с. URL: <https://rucont.ru/efd/643235> (дата обращения: 25.05.2021).

150. Современная драматургия. 2019. № 2. 274 с. URL: <https://rucont.ru/efd/643236> (дата обращения: 25.05.2021).

151. Современная драматургия. 2019. № 3. 426 с. URL: <https://rucont.ru/efd/643237> (дата обращения: 25.05.2021).

152. Современная драматургия. 2019. № 4. 306 с. URL: <https://rucont.ru/efd/643238> (дата обращения: 25.05.2021).

153. Современная драматургия. 2020. № 1. 311 с. URL: <https://rucont.ru/efd/682949> (дата обращения: 25.05.2021).

154. Современная драматургия. 2020. № 2. 278 с. URL: <https://rucont.ru/efd/682950> (дата обращения: 25.05.2021).

155. Современная драматургия. 2020. № 3. 313 с. URL: <https://rucont.ru/efd/682951> (дата обращения: 25.05.2021).

156. Современная драматургия. 2020. № 4. 346 с. URL: <https://rucont.ru/efd/682952> (дата обращения: 25.05.2021).

157. Лучшие пьесы 2018. М.: Международный конкурс русскоязычной драматургии «Действующие лица»; Лайвбук, 2019. 400 с.
158. Лучшие пьесы 2019. М.: Международный конкурс русскоязычной драматургии «Действующие лица»; Лайвбук, 2019. 411 с.
159. Победители 2020 // Московский театр «Школа современной пьесы». URL: <https://neglinka29.ru/long-list-2020/> (дата обращения: 25.05.2021).
160. Хочу по правде: современная подростковая драма. М.: Самокат, 2019. 108 с.
161. Всем, кого касается: современная подростковая драма. М.: Самокат, 2019. 136 с.

Приложение. Список пьес, использованных при анализе

Современная драматургия. 2018. № 1. 258 с. URL:
<https://rucont.ru/efd/606119> (дата обращения: 25.05.2021).

Букреева А. Ганди молчал по субботам

Гапонова Н. Питомец

Иванов А. «С училища»

Коротыч П. Я, на Шостаковича, 5

Пещик К. Последний звонок

Сахаров Г. Как я стал разговаривать с Толиком

Улицкая Л. Дубль два

Яблочкина Т. Юра

Современная драматургия. 2018. № 2. 286 с. URL:
<https://rucont.ru/efd/606120> (дата обращения: 25.05.2021).

Ахметов А. Красный павлин

Бабушкин Е. Веселые волки

Ернев О. Хитроумный адвокат

Жанайдаров О. Мания

Жеребцов В. Чудо-дерево

Житковский А. Дятел

Зайцев А. Уроки маленького дракона

Медведев С. Невидимки, или...

Степанычева К. Стандартная процедура

Современная драматургия. 2018. № 3. 259 с. URL:
<https://rucont.ru/efd/606121> (дата обращения: 25.05.2021).

Костенко К. Исчезнувший велосипедист

Куралех А. Перемирие

Михайлов О. Красная комната

Пулинович Я. Саламандры

Щербак А. Наследники

Современная драматургия. 2018. № 4. 265 с. URL:
<https://rucont.ru/efd/606122> (дата обращения: 25.05.2021).

Антипов В. Коммунистический тупик

Бронникова Е., Дымшаков Р. Научи меня любить

Гортман К. Вкл – выкл

Давыдов С. Отличный парень

Драгунская К. Светло и нестрашно

Ермохин Н. Шлагбаум

Малухина М. Замыкание

Поздняков А. Корецкий

Сидерос Д. Всем, кого касается

Чеботарева Л. Selfuck

Современная драматургия. 2019. № 1. 272 с. URL:
<https://rucont.ru/efd/643235> (дата обращения: 25.05.2021).

Антонов И. Прапорщик Кувшинов

Битюцких А. Как я научился жить

Бородина П. Исход

Житковский А. Горка

Исаева Е. Ваня

Мошина Н. Розовое платье с зеленым пояском

Огнева М. За Белым Кроликом

Пещик К. Поход

Соколов Д. Огонек

Современная драматургия. 2019. № 2. 274 с. URL:
<https://rucont.ru/efd/643236> (дата обращения: 25.05.2021).

Крапивина М. Тайм-аут

Строганов А. Уроборос
Никифорова В. Кассандра
Шахновская Е. Секта свидетелей Малании Трамп
Доценко В. Рейс обратно и туда
Поздняков А. Генерал
Кочнев С. Шелест могучих крыльев
Шакурова Ш. За синими туманами

Современная драматургия. 2019. № 3. 426 с. URL:
<https://rucont.ru/efd/643237> (дата обращения: 25.05.2021).

Алферов В. Закон бумеранга
Бородина П. Варвары
Гейжан А. Люди ждут, когда танки пойдут
Демчик Н. Тонкие материи
Жанайдаров О. Алдар
Ларина М. Ширма
Мошина Н. «Звездные войны» на «Мосфильме»
Осина Т., Ошарина М. Ради тебя
Розовский М. Фанни

Современная драматургия. 2019. № 4. 306 с. URL:
<https://rucont.ru/efd/643238> (дата обращения: 25.05.2021).

Куралех А. Сны Пенелопы
Ломовцев Ю. Чужая дочь
Малышев О. Дорогой подарок
Носовский И. Остаться нельзя уехать
Орлов Д. Ведро
Рыбчинский Ю. Царь Ирод
Соколов П. Старший брат
Тупикина Ю. Калинов – город витаминов

Фомина А. Петюнина против всех

Современная драматургия. 2020. № 1. 311 с. URL:
<https://rucont.ru/efd/682949> (дата обращения: 25.05.2021).

Алексеева Е. Камино Норте

Васьковская И. Рэйп ми

Гиззатова Э. Мне тяжело об этом говорить...

Гицарева У. Жизнь проходит прекрасно

Зайцева Н. По грибы

Карим А. Летящей походкой

Коротыч П. Говорение

Лукшина Ю. Жалейки

Макейчик А. Путаница

Петрийчук С. Финист Ясный Сокол

Стрижевская А. Никто не слышал

Современная драматургия. 2020. № 2. 278 с. URL:
<https://rucont.ru/efd/682950> (дата обращения: 25.05.2021).

Азерников В. Ложь во спасение

Артис Д. Шахтер

Болычева О. Анти-Вагнер

Бочаров Д. Американец

Векшина. В Радиолампа

Владовский Ю. Витенька и другие

Володарский А. Лена не пришла домой

Домовец А. Восьмидесятник

Зелинская М. Phobia

Малухина М. Башня

Медведев С. Черная икра

Осина Т., Ошарина М. Последний волшебник

Шендерович В. Акционисты

Современная драматургия. 2020. № 3. 313 с. URL:
<https://rucont.ru/efd/682951> (дата обращения: 25.05.2021).

Барсова-Гринева Е. Лунный блюз для Греты

Бескоровайный А. Федор

Дубина М. Таська

Ерпылева Е. Жалкие

Житковский А. Охота крыс

Игнашов А. Крапива

Поляков Ю. В ожидании сердца

Тимофеев А. Жители

Червинский А., Мишин М. Лягушки в шампанском

Современная драматургия. 2020. № 4. 346 с. URL:
<https://rucont.ru/efd/682952> (дата обращения: 25.05.2021).

Афанасьев И. Петр Великий из плоти и крови

Давыдов С. Республика

Жанайдаров О. Распад

Куралех А. Miracle impossible

Ольховская В. Шесть утра, американо

Розовский М. ...и назвал тьму ночью

Степнова О. Артистка из Кукушкино

Яблочкина Т. Мечты о Лене

Лучшие пьесы 2018. М.: Международный конкурс русскоязычной драматургии «Действующие лица»; Лайвбук, 2019. 400 с.

Бородина П. Варвары

Данилов Д. Свидетельские показания

Жатько Е. Лифт

Занти А. Предвыборная фишка

Ластов Д. Круги на воде

Поспелова Ю. Война и мир

Лучшие пьесы 2019. М.: Международный конкурс русскоязычной драматургии «Действующие лица»; Лайвбук, 2019. 411 с.

Малухина М. Барбетт одевается

Микшис В. Как дважды два

Сивцев М. Ковчег

Синяев А. Взломанный

Скирда Е. Хепши энд

Степлюк А. Меня здесь никогда не было

Тюжин Т. Красный молоток

Шестаков Е. Три плюс кот

Победители 2020 // Московский театр «Школа современной пьесы».

URL: <https://neglinka29.ru/long-list-2020/> (дата обращения: 25.05.2021).

Букреева А. Бухта Тандзы

Вельт Н. Звёзды в черной дыре

Витренко И. Я танцую как дебил

Жанэ Д. Империя света

Загдай Т. Родительский комитет

Краскова О. Непростая жизнь, огромная любовь и великий дар Фриды Кало

Крепостной И. Terra nullius (Ничейная земля)

Ластов Д. Окна выходят на театр

Тодыбаева Н. Душа героя

Фомина А. Отщепенцы

Хочу по правде: современная подростковая драма. М.: Самокат, 2019.
108 с.

Бизяева Е. Март и Слива

Варденбург Д. Никаких сомнений

Огнева М. Воин

Орлова С. Хочу по правде

Всем, кого касается: современная подростковая драма. М.: Самокат,
2019. 136 с.

Блок Н. Фото топлес

Васьковская И., Уткина Д. Бог ездит на велосипеде

Иванов А. Это всё она

Олейников А. Хлебозавод